

Ты предназначена мне

Автор:

Алиса Ковалевская

Ты предназначена мне

Алиса Ковалевская

Его невинная добыча #3

Она появилась тёмной дождливой ночью. Девчонка, молящая меня о помощи. Девчонка, забравшаяся в сердце. Девчонка, которую я сломал и вышвырнул из своей жизни.

Но она предназначена мне, и я верну её, чего бы мне это ни стоило.

- Больше не приближайся ко мне! Я хотела остаться твоей. Навсегда. Но ты... - попятилась, когда я сделал шаг к ней. - Ты сам этого не захотел! Ты предал всех, кто тебя любил, Руслан! - выкрикнула зло.

- Ты предназначена мне, - выговорил я жёстко, смотря ей в глаза. Оставляя право выбора за собой. —Только мне, девочка, и никому больше.

Третья книга про Руслана и Еву из серии "Его невинная добыча"

Содержит нецензурную брань.

Алиса Ковалевская

Ты предназначена мне

Глава 1

Ева

– Не говори потом, что я тебя не предупреждала, – выплюнула Стэлла, когда я резко отдернула руку.

– Не надо меня предупреждать! – Голос мой зазвенел.

Обе мы стояли на крыльце возле театра. Несмотря на то, что ночь принесла с собой влажную прохладу, было достаточно тепло. А может быть, я просто не чувствовала холода.

– Обойдусь без твоих предупреждений! – выкрикнула еще более раздраженно. – Живи своей жизнью, а я буду жить своей.

– Хорошо! – Она тоже повысила голос, но тут же взяла себя в руки и заговорила тише: – Как скажешь. Только когда будешь скулить в подушку, помни, во всем виновата только ты сама.

Договорив, она сбежала с крыльца и быстро пошла прочь. Ее изумрудное платье постепенно сливалось с темнотой, стук каблуков затихал с каждым шагом.

Судорожно выдохнув, я сглотнула. В этот момент я снова ненавидела ее. Ненавидела еще сильнее, чем когда поняла, почему Руслан все эти полгода не напоминал о себе. Сильнее, чем когда-либо, – и в то же время где-то в глубине души чувствовала, что намертво связана с сестрой. Янтарные крапинки в радужке глаз, чуть различимые хрипловатые нотки голоса в моменты особенного волнения...

– Вам лучше вернуться внутрь, – обратился ко мне Дамир, стоило отойти от театра на несколько шагов.

За тот месяц, что я провела в особняке, разговаривали мы с ним всего несколько раз. Немногословный и спокойный, он был одним из тех, кто отвечал за безопасность.

– Я хочу немного подышать воздухом, – ответила я так же сдержанно, все еще пытаюсь унять горечь и гнев после нашей короткой и колючей перепалки со Стэллой. Смотрела ей вслед, чувствуя, как быстро течет по венам кровь, а горло сжимается из-за подступивших слез.

– Руслан Каримович не давал распоряжений насчет этого.

Я перевела взгляд на Дамира.

– А какие он давал распоряжения? – не смогла скрыть раздражения.

– Не выпускать вас из виду.

– Так не выпускайте.

Как и сестра немногим раньше, я сошла вниз по ступеням. Дамир и еще несколько сотрудников безопасности последовали за мной.

Еще двое, вынырнув из темноты, зашагали рядом с двух сторон.

– Всего несколько минут, – сказала я Дамиру, понимая, что он ни в чем не виноват. Тем более уж в моем отвратительном настроении и гнетущем чувстве, охватившем сердце. – Несколько минут.

– Несколько минут, – согласился он. – Потом вы вернетесь на бал. Так будет для вас лучше.

Я промолчала. Лучше для меня... Опять эти слова. Лучше. Лучше или нет, сейчас мне хотелось несколько минут подышать пропитанным влажной прохладой воздухом и побыть в тишине.

Высаженные по обеим сторонам аллеи деревья негромко шуршали молодой листвой. Вечер был тихим и спокойным, но в воздухе уже пахло дождем. Снова дождь...

Пройдя немного вперед, я подобрала подол платья и присела на край деревянной скамейки. Посмотрела вдаль, на скрывающуюся в темноте дорожку, и поежилась.

- Возьмите. - На плечи мне лег пиджак.

Подняв голову, я встретилась взглядом с Дамиром. Лицо его скрывала темень. Свет ближайшего фонаря позволял различить черты ровно настолько, чтобы понять, как он сосредоточен.

- Спасибо. - Я придержала полы. - А как же вы?

- За меня не беспокойтесь, - проговорил он негромко. - Только прошу вас, Ева. Недолго.

Сказав это, он отошел в сторону. Недалеко, метра на три, так что теперь я могла рассматривать его спину. От пиджака приятно пахло мужским одеколоном. Я вдохнула запах, но не почувствовала ничего, кроме того, что и должна была: кедр, сандал... До ломоты в пальцах захотелось сжать полы другого пиджака, вдохнуть другой запах.

Опустив голову, я свела колени, плотно сжала ноги и задумчиво уставилась на мыски туфель. Услышала треск радиации, приглушенный голос Дамира. Остальные люди из службы безопасности стояли тут же, в радиусе нескольких метров, но я старалась представить, что их нет. Как будто бы я одна этой ночью. Я, шелест листьев... И на плечах моих пиджак, почти так же пахнущий кедром и сандалом. Пиджак, принадлежащий совсем другому мужчине.

- Черт подери!

Отрывистые, глухие слова, прозвучавшие одновременно с пронзившими ночь хлопками, мгновенно выдернули меня из задумчивости, и в то же мгновение стоявший ближе всех ко мне охранник упал на асфальт. Рядом с ним - еще один.

- Какого... - Выхватив из висящей на поясе кобуры пистолет, самый молодой из охранников несколько раз выстрелил в сторону.

В ужасе я отпрянула к другому концу скамьи. Пальцы скользнули по холодному дереву, каблук подвернулся в тот момент, когда я, подскочив, бросилась прочь.

– Сюда, Ева! – Дамир не дал мне упасть. Придержал и, отстреливаясь, быстро посмотрел назад. Грязно выругался. Едва я обернулась – поняла почему. Отступить было некуда. Прямо на нас ехал темный седан, аллею перегораживали люди в черных масках. Судорожно вцепившись в руку Дамира, я всхлипнула.

– Что бы ни случилось, Руслан не оставит вас. – Выстрел в темноту. Мимо просвистела пуля, за ней еще одна. – Проклятье! – поморщился Дамир.

Пистолет в его руке дрогнул, челюсти сжались. Снова свист пуль...

– Бегите! – Дамир что есть силы толкнул меня к деревьям. – Бегите к дороге!

Еще одно ругательство сорвалось у него с языка, по рубашке расплылось алое пятно.

Я кинулась в неизвестность. Дыхание вырывалось из груди толчками, легкий шифон цеплялся за кусты и ветки, каблуки увязали во влажной земле.

Когда-то я уже бежала сквозь лес в никуда... Подхватив подол, бросилась в сторону, слыша за спиной становившиеся все реже хлопки. Сквозь стучавший в висках пульс и шум собственного дыхания до меня донесся еще какой-то звук. Хруст или...

– Она у меня! – Крепкие пальцы на плече, рывок. – Можем убираться отсюда.

– Пусти!

Я забилась, пытаюсь вырваться. Без разбору ударила державшего меня локтем. Липкий, первобытный страх сковал все мое существо. Бежать...

– Отпусти! – прорычала, изо всех сил толкнув схватившего меня локтем, впила ногтями в его руку.

– Сука!

Развернув к себе, он с размаху ударил меня по лицу. Вскрикнув, я упала на землю, но он тут же поднял меня и толкнул вперед.

Голова кружилась, из разбитой губы текла кровь. Я чувствовала ее привкус на языке: солоноватый и пугающий.

– Давай, – уже другим голосом.

– Нет! – сказала я сквозь зубы, едва меня снова толкнули вперед. – Я не...

Схватив за волосы, человек в маске дернул меня и угрожающе просипел прямо в лицо:

– Если ты не заткнешься, я отрежу тебе язык. Поняла?!

В прорезях блеснули глаза. Даже в темноте я видела этот угрожающий блеск.

Не выпуская моих волос, он бросил первому, что тот может меня отпустить, и поволок к аллее. Дверь машины была распахнута. Это все, что я смогла различить. Это – и еще темные силуэты на асфальте. Темные силуэты сопровождавших меня людей Руслана...

– Пошла! – Меня буквально втолкнули на заднее сиденье.

Дверка захлопнулась раньше, чем я успела сделать вдох.

– Едем, – бросил усевшийся рядом мужчина.

В следующее мгновение машина, взвизгнув колесами, сорвалась с места. Я снова повалилась на сиденье. Вкус крови во рту стал сильнее.

– Что вам нужно? – выдавила, приподнимаясь, отползая от сидящего рядом со мной мужчины.

Стянув маску, он швырнул ее между нами. Вынул из кармана пачку сигарет, не торопясь отвечать мне, зажег спичку. Прикурил и, приоткрыв окно, швырнул ее на асфальт.

Сбоку мелькнул подсвеченный множеством ламп театр. Свет, которым он был окутан, проник сквозь окна, упал на небритое лицо курившего. Сделав долгую, глубокую затяжку, он подался ко мне и, схватив за подбородок, подтянул ближе. Едкий, терпкий дым проник в легкие вместе с его выдохом, щека заболела сильнее.

- Не трогайте! - Я отшвырнула его руку. - Когда Руслан найдет меня...

- Руслан тебя не найдет, - выговорил он.

По спине побежал холодок, я опять попробовала оттолкнуть его, но мужчина только сильнее сжал пальцы. Слегка повернул мою голову, затянулся снова и провел большим пальцем по кровоточащей ссадине на губе.

Я поморщилась, дернулась, и на этот раз он отпустил меня, толкнув так, что я налетела на дверку. Машина свернула на проспект и, набирая скорость, понеслась в неизвестность. В это время дороги были почти свободными. Мимо мелькнули фары встречной машины.

- Я предупреждал его, - заговорил мужчина снова. - Не раз предупреждал.

- Кто вы такой?! - выпалила я.

От дыма запершило в горле, и я, прижав ладонь ко рту, кашлянула. Судорожно искала хоть какой-нибудь выход, пыталась понять, что делать. Только что я могла? На ощупь нашла позади себя ручку, попыталась дернуть дверку, прекрасно понимая, что, даже если та окажется открытой, выбраться я все равно не смогу. Дома, деревья и фонари сливались в размытую скоростью линию - никаких шансов на побег.

- Сиди спокойно, - приказал мужчина. - Иначе продолжишь наше путешествие в багажнике.

– Кто вы?! – охваченная паникой, повторила я нервно. Сглотнула. – Чего вы хотите от меня?!

– От тебя? – Еще одна затяжка. Опустив стекло ниже, он кинул в темноту сигарету, так же, как до этого спичку, и закрыл окно. – Ничего. Не люблю, когда мои предупреждения не воспринимают всерьез.

Именно этот человек был замешан в том, что происходило в Грате. Именно его все это время искал Руслан, именно он устроил взрыв на яхте.

Без особого интереса он посмотрел на мою руку, мазнул взглядом по ногам и вернул его к лицу. В волосах – коротких, темных – поблескивала седина, бровь пересекал старый шрам. Под его взглядом – пристальным, бесстрастным и в то же время не сулящим ничего хорошего – я чувствовала себя загнанной в угол ланью.

Только охотником он не был. Он был убийцей – именно это читалось в его глазах.

– Все, как обговаривали, Вик? – спросил сидящий за рулем.

– Да.

Вик? Мне показалось, где-то я уже слышала это имя. Только где? Как ни пыталась, вспомнить не могла. Ни с кем из троих, что были в машине, я никогда не встречалась. Я бы точно запомнила это. Потому что забыть я могла все, что угодно, только не объединяющую их жестокость, которая ясно читалась в глазах. Жестокость, которую они даже не пытались скрыть.

– Куда вы меня везете? – обратилась я к Вику, стараясь не показывать, насколько напугана.

Вряд ли их интересовал мой страх, но подкармливать им живущих в них падальщиков не хотелось. Моменты устроенной ими бойни так и мелькали перед глазами. Вряд ли когда-нибудь я смогу забыть ночную аллею, наполненную глухими выстрелами. Шелест листвы и звук упавшего у моих ног тела. Только бы хоть кого-то из людей Руслана удалось спасти... Господи. Если бы не моя настойчивость...

– Это не имеет значения.

В руках Вика появился телефон. Набрал кому-то, он проговорил:

– Будем через двадцать минут... Да... К этому моменту все должно быть готово... Хорошо.

– Что должно быть готово?! – напряженно спросила я, едва он закончил не продлившийся и минуты разговор. Мой голос звучал истерично, слишком резко. Руки тряслись.

Пиджак, который накинул Дамир мне на плечи, остался где-то в прошлом, на влажной земле. На коже выступили мурашки, живот свело от ужаса. Предчувствие чего-то еще более недоброго, чем уже случилось, охватило меня, зазвучало внутри воем ветра и тревожными звуками маленьких колокольчиков. Пегас... Под пальцами моими вместо подвески опять оказалась нить жемчуга.

Вик откинулся на спинку сиденья. Слегка повернулся и осмотрел с пренебрежением. Как на нечто, не стоящее его внимания, но достаточно дорогое, чтобы все-таки уделить его.

– Алиеву не стоило выпускать тебя из своей крепости, – сказал он вместо ответа. Снова опустил стекло и достал пачку сигарет. Провел спичкой по боку коробка, и на конце ее вспыхнул язычок пламени. В воздухе появился смешанный с так и не выветрившимся дымом запах серы.

Я смотрела, как Вик неспешно, с удовольствием прикуривает. На этот раз закрывать окно он не стал, но дышать было все так же тяжело. Уже не из-за дыма – из-за зашкаливающего пульса.

– Кстати, тебе понравились цветы? – Он вобрал в легкие дым. – Лилии? Мне показалось, что лилии тебе подходят.

– Так это были вы... – прошептала я, сильнее сжимая нить жемчуга непослушными пальцами.

Вот почему Руслан тогда так поспешно увез меня. И открытка... Та открытка предназначалась не мне – ему. И букет тоже был предназначен ему, с той лишь разницей, что я значилась получателем. Предупреждение...

– Ты спрашивала, куда мы едем? – Он посмотрел сквозь стекло.

Проследив за его взглядом, я поняла, что уже бывала тут. Много раз. Светофор, темное сейчас витражное стекло, на котором угадывались очертания парусника...

– Порт? – вырвалось у меня.

– Тебя ждет еще одно путешествие. – Губы его едва заметно искривились. – На этот раз более долгое, Ева.

– Руслан достанет вас! – вскрикнула я нервно. – Найдет всех и достанет. Когда я вернусь...

– Ты не вернешься, – пресек меня Вик. Резанул вмиг потемневшим беспощадным взглядом и добавил: – Никогда. И Алиев тебе ничем не поможет.

Глава 2

Ева

– Все готово, – перекрикивая шум ветра, обратился к Вику одетый в темное мужчина.

Я перевела взгляд с темного, почти неразличимого на фоне неба корабля на него. Обхватила себя руками, пытаюсь защититься от холода. Небо на горизонте осветилось яркой вспышкой, и тут же до нас докатились раскатистые звуки грома.

– Не слишком хорошая ночь для выхода в море, – заметил он, обернувшись к воде. Поморщилась. Я различила рыбный скелет – рисунок на повязанной вокруг его головы бандане. Фонарь, освещающий клочок земли, на котором мы стояли, мигнул и снова засветил ровно.

– Другого времени у нас нет, – сухо отрезал Вик.

– Эту тоже на борт? – мужчина кивнул на меня.

– Да. – Вик крепче сжал мое плечо. Все это время он не отпускал меня, я чувствовала, что стоит сделать шаг против его воли, церемониться он не станет. Пальцы его впивались в тело.

Он толкнул меня к кораблю, и я, спотыкаясь, пошла вперед. Плеск волн о металлический борт доносился предупреждением, угрозой. Поднимаясь по трапу, я все еще надеялась, что смогу выбрать момент и метнуться на берег. Мне бы хватило нескольких секунд, чтобы затеряться среди барачков, но этих секунд Вик мне не предоставил. Ни единой.

– Руслан...

– Заткнись и иди! – Стоило мне замедлить шаг, он грубо толкнул меня в плечо.

Ветер рвал подол платья, трепал мои волосы, безжалостно бил по лицу. Холодный и хлесткий, он обжигал резкими порывами, влагой и солью врезался в тело. Каблук зацепился за ступеньку трапа, но Вик и не подумал остановиться. Напротив, схватив за локоть, пихнул вперед.

Вместе с новым порывом ветра я сделала вдох и едва не захлебнулась собственным дыханием. Схватила за металлический поручень и ощутила, как холод вытесняет остатки надежды. Вслед за нами на палубу поднялось еще несколько человек, должно быть, из тех, что были этой ночью в сквере рядом с театром.

– Куда вы собираетесь меня отвезти? – спросила я, все-таки остановившись. Не услышала собственного голоса за плеском воды и прокатившимся над морем раскатом. – Куда вы хотите меня отвезти?! – уже громче, с выкриком.

Платье облепило ноги. Волосы путались, падали на лицо и голую шею.

– Туда, где тебе самое место, – отрезал Вик и бросил одному из мужчин, поджидавших нас на корабле: – Отведи ее к остальным. Проследи, чтобы все было в порядке. Она у нас уже использованная, много мы за нее не получим. Но, думаю, я знаю нескольких, кого она могла бы заинтересовать.

Я порывисто вскинула голову. Дернулась уже в других руках. Реальность обрушилась на меня быстро – подобно высокой волне, подгоняемой шквалистым ветром.

– Вы в своем уме?! – закричала было, но получилось сипло, сдавленно.

Вик ничего не ответил. Только кивнул в сторону, и его человек, крепко держа, повел меня по палубе. Несколько раз я попыталась освободиться от его рук, оглядывалась назад в надежде увидеть свет фар въезжающих на пристань машин. Понял ли Руслан, что случилось? Сколько прошло времени с момента, как мы с сестрой вышли из театра? И... что с ней? Я помнила звук ее удаляющихся шагов, ее изумрудное платье, тускнеющее в ночи...

– Вы же не думаете, что можете так просто взять и...

– Мое дело не думать. – Крепкий, мрачный мужчина подвел меня к лестнице. – Мое дело выполнять приказы.

Словно пушинку он проволоком меня по ступенькам. Несколько раз я споткнулась, но ему, судя по всему, было все равно. Как сильно замерзла, я поняла, только когда он, открыв металлическую дверь, завел меня в коридор. Тишина, сомкнувшаяся вокруг нас, не была абсолютной. Я различила отдаленные звуки голосов, какой-то лязг. И все же, после шума ветра и волн, она казалась глухой, гулкой.

Не прошло и пары минут, как мой провожатый отворил еще одну дверь. Больше я ни о чем не спрашивала и не просила – бесполезно. Он всего лишь выполняет приказ...

– Приятного плаванья. – В комнату он не вошел. Швырнул меня, как провинившегося щенка, и тут же захлопнул дверь. Я беспомощно обернулась.

– Подождите!

Дернула ручку. В ответ услышала только лязг запираемого замка и какой-то неясный шум за спиной.

– Позовите Вика! Слышите? Я...

– Бесплезно, – донеслось позади.

Я снова обернулась и на этот раз наткнулась взглядом на сидящую у стены девушку. Тоненькую, совсем маленькую. Глаза ее, огромные, цвета василька, были распахнуты, как у ребенка, длинные волосы собраны в растрепанную косу. Чуть поодаль от нее, сбившись в кучку, сидели еще четверо. В другом конце небольшой каюты – трое.

– Василиса... – шепнула я, глядя на ту, что заговорила со мной. Прислонилась спиной к двери. Слишком много встреч за один вечер. – Но ты же... Ты же должна была...

– Уехать, – согласилась она.

Платье, которое было на ней, я помнила еще с того времени, как мы в последний раз виделись в пансионате. Подол, украшенный белыми вышитыми цветами, аккуратный вырез, который она сама отделала маленькими бусинами. Только теперь поверх платья была надета бесформенная вязаная кофта на несколько размеров больше, чем носила Василиска. Я помнила, как она побледнела, когда ей сказали, что она покидает пансионат. Как, сидя в гостиной, она молча заканчивала вышивку, начатую задолго до этого. Как будто закончить было единственно важным для нее. А через два дня она просто исчезла...

– Должна была, – повторила она и все-таки встала.

– Так что же...

– Я сбежала. – Она подошла ближе. Уставшая, с потухшим взглядом. И без того худенькая, сейчас она казалась совсем прозрачной. – Анна... Она помогла мне. – На ее губах появился намек на улыбку. Грустную, наполненную сожалением. – Тебе, как понимаю, тоже?

– Ты хочешь сказать... – Я опять не договорила. Смотрела на Василису, в ее синие глаза, и уже знала ответ. – Нет... – качнула головой.

Анна...

– Она продала меня, Ева, – вздохнула Василиса. Коснулась моей руки и потянула к ящику, с которого встала. Остальные девушки молча смотрели на нас. Вася не обращала на них внимания. – Если бы я только знала тогда. Если бы только знала...

Присев на край, Василиса дождалась, когда я сделаю то же самое. Проследив за тем, как рука ее опустилась на прикрытое подолом колено, я заметила, насколько сильно износилось платье. Вышивка оставалась все такой же аккуратной, но среди шелковых узоров отчетливо виднелись быстрые, сделанные совершенно неподходящими по цвету нитками стежки.

– Куда нас везут? – с трудом отведя взгляд от ее тонких пальцев, спросила я.

– Ты же все сама поняла, – устало отозвалась она, обводя кончиками пальцев завитки на платье. Голос ее, обычно нежный, переливчатый, звучал тихо и безжизненно. Ненадолго она замолчала, потом посмотрела на меня прямо: – Знаешь, Ева, поначалу я чего-то ждала, на что-то надеялась, а сейчас... – Василиса качнула головой. – Никто точно не знает, куда пойдет корабль. Несколько месяцев назад девочек отправили в Египет, потом в Арабские Эмираты...

– Так это не первый раз! – Ошеломленная догадкой, я порывисто дотронулась до ее руки. Снова обернулась на других девушек. Помимо нас, я насчитала еще семерых, но Василиса, будто прочитав мои мысли, сказала:

– Это не все. Есть и другие. Я не всех видела, но думаю, нас не меньше пятидесяти.

Высвободив ладонь, Василиса сама накрыла мою руку. В глазах ее блеснули и тут же угасли гневные искорки.

За дверью раздались тяжелые шаги, и она напряглась. Настороженно прислушивалась до тех пор, пока они не стихли, потом встала и прошла до другой стены. Корабль легонько качнулся, и вместе с этим толчком сердце мое ударилось в груди так тяжело, как никогда раньше.

Василиса подошла к иллюминатору. Маленькая, она едва доставала до него.

- Синичка, - позвала я, и она, резко обернувшись, посмотрела на меня.

Я тоже встала. Синичка... Несколько лет назад перед Новым годом кто-то из людей Бориса привез в пансионат коробки с новой одеждой и открытки. Короткие поздравления для каждой из нас. Мне досталась серебристо-белая, украшенная множеством снежинок, Василисе - с желтогрудой синичкой на фоне искристого бело-голубого снега. С того Нового года мы иногда звали ее Синичкой, потому что она в самом деле была похожа на маленькую птичку.

- Забудь об этом, Ева, - сказала она тихо, когда я подошла.

Придерживаясь за край иллюминатора, я посмотрела на темное море. Все, что мне удалось различить, - очередной расколовший небо зигзаг молнии.

- Мы на нижней палубе, - внезапно поняла я.

- И что? - Василиса перевела взгляд на меня. Мизинцы наши соприкасались, ладони лежали рядом.

Мне было холодно, но она, казалось, замерзла еще сильнее, чем я. Лунки ногтей были синеватыми, кожа совсем белой.

- Не знаю... - Я действительно не знала. Вспомнила, как меня вели сюда, по коридору вдоль кают. Почему-то до этого момента я была уверена, что мы где-то внизу, под водой. - Анна мертва, - зачем-то сказала я.

Звук громового раската, приглушенный, но все равно угрожающий, сердитый, донесся до нас.

– Туда ей и дорога, – в голосе Василисы, как недавно во взгляде, послышался гнев. Пальцы впилась в край иллюминатора с такой силой, что, будь это хрусталь, он бы треснул.

Что сказать, я не знала. Мне все еще до конца не верилось в то, что бедная Анна могла быть причастна к подобному. Всегда внимательная и заботливая, она относилась к нам с пониманием, находила время выслушать и дать совет. Именно она когда-то тайком дала мне шоколадную конфету, именно она учила меня заплетать волосы в сложную косу, именно она помогла сбежать той ночью... Именно она. Той ночью, когда я встретилась с Русланом. Той ночью, когда, поймав, охранники из пансионата не вернули меня обратно, не привезли к Борису, а сдали в питомник.

– У тебя кольцо...

Голос Василисы заставил меня отогнать воспоминания. Она внимательно смотрела снизу вверх, чуть приподняв голову. Ниже она была только на несколько сантиметров, но каблучки добавляли мне роста.

– Это обручальное кольцо. – Она не спрашивала.

– Обручальное, – подтвердила я очень тихо. Так тихо, что услышать меня могла только она.

– У тебя не забрали ни сережки, ни кольцо... – Синичка посмотрела на ожерелье на моей шее.

– Разве должны были?

– У всех нас забрали то, что было хоть немного ценным. – Она показала руку. Я вспомнила, что на запястье у нее всегда был тонкий серебряный браслет – так же, как и я подвеску, она носила его, не снимая. – Если это обручальное кольцо, значит, Борис...

– Борис тут ни при чем, – возразила я раньше, чем она успела закончить. – Это кольцо надел другой мужчина. Он...

Я не договорила. Смотрела Василисе в глаза и понимала, что горло опять сжимается, что дышать я почти не могу из-за комка слез. Синие глаза Василисы потемнели.

– Если я больше никогда не увижу его... – шепнула я, – я умру. Просто умру.

– Мне так жаль, Ева. – Она дотронулась до моего локтя. – Так жаль...

Выдохнув, я отвернулась. Завела руку за шею и, расстегнув застежку на бусах, приподняла рукав Василисиной кофты. На мгновение замерла, увидев на бледной коже багровые следы от веревок. Не став ничего говорить, несколько раз обмотала вокруг запястья жемчужины и, опять сомкнув замочек, вернула ткань на место.

– Зря ты. – Василиса тоже говорила очень тихо. – Все равно увидят и отберут.

– Может быть, и не отберут. – Я отпустила ее руку. – Хочу, чтобы у тебя было что-то... Что-то свое.

Губы ее приоткрылись. Но все, что я услышала, – тихий выдох. Мы по-прежнему смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Судно качнуло еще раз, ночь за окном осветилась молнией, раскат отдался внутри меня моей собственной бурей.

– Спасибо, – все-таки ответила Василиса и обернулась к двери.

Шаги... Я тоже слышала их – тяжелые, приближающиеся.

– Ты чего-то боишься? – спросила я.

– Нет... не знаю. – Она продолжала прислушиваться. – Просто одну девочку...

Неожиданно шаги затихли прямо напротив двери. Синичка напряглась сильнее, когда каюту наполнил лязг. На пороге появились двое. Пройдя вперед, один из

них окинул всех нас презрительным, тяжелым взглядом. Ни на ком конкретно он не останавливался. Товар... Мы просто товар, который можно выгодно продать. Запрещенный, нелегальный и очень дорогой товар. Контрабанда...

- Встань, - бросил второй из вошедших сидящей в самом углу девушке. Та нерешительно повиновалась.

Мужчины подошли ближе к ней. Я перевела взгляд на так и оставшуюся незакрытой дверь. Сердце, до этого стучащее более или менее ровно, заколотилось. Что есть силы я сжала ладонь Василисы. Она проследила за моим взглядом и резко вскинула голову.

- Повернись. - Мужчина снова обращался к поднявшейся девушке. Высокая, с раскосыми глазами, она была очень интересной. Только войдя в каюту, я обратила на нее внимание. - Хорошо, думаю, ты...

- Другого шанса не будет, - сказала я почти одними губами. - Пока мы не так далеко от берега...

Новая вспышка, взгляд Василисы.

- Туфли, - так же, одними губами шепнула она.

Туфли. Шпильки... Тихонько, стараясь не привлекать внимание не только мужчин, но и других девочек, я выскользнула из лодочек на шпильке. Живот скручивало страхом. Тошнотой он подкатывал к горлу, от адреналина шумело в ушах.

Василиса медленно попятилась к двери, а в следующий миг мы были уже в узком коридоре.

- Сюда, - бросила я, утягивая Ваську за собой в сторону, где, как я помнила, должна была быть ведущая на палубу лестница.

Секунда, две, три... Брань с другой стороны. Далекое... Пока еще слишком далеко от нас. Шанс... Только выбраться на палубу. Что потом... Пусть маленький, но шанс.

– Беги! – крикнула я, когда Вася, добравшись до верхней ступени, остановилась, обернулась на меня. – Беги! Не останавливайся, Синичка!

Она бросилась дальше. Растянутая резинка слетела с ее волос, коса расплелась у конца. Шаги ее были эхом моих собственных.

– Что с ногой?

Не ответив, я схватилась за поручень и метнулась вверх по крутым узким ступеням. Боль в растянутой лодыжке мешала, но я старалась не замечать ее. Все было неважным. Только выбраться на палубу, а потом... В лицо ударил резкий ветер, принесенные им брызги дождя упали на лицо еще до того, как закончились ступеньки.

Позади снова раздались голоса, которые я с трудом могла различить сквозь шум собственного дыхания.

– Беги! Беги, Синичка! – выкрикнула я сквозь вой ветра, когда она упрямо потянула меня вперед.

Лодыжка ныла сильнее и сильнее, от боли на глазах выступили слезы. Платье, казавшееся совсем невесомым в дорогом убранстве бального зала, здесь, на мокрой палубе, превратилось в груды отяжелевшего, пропитанного водой тряпья. Крупные капли воды били по рукам и плечам дробью.

– Туда, – махнула Василиса в темноту.

Корабль, похожий на величественного, огромного кита, не обращая внимания на непогоду, уходил все дальше от берега. Огни порта были еще хорошо различимы, но я понимала, что в такую погоду добраться до берега будет почти невозможно.

Поскользнувшись, я выпустила из рук подол, ухватилась за попавшийся под руку угол ящика. Ладонь чем-то резануло, я поняла, что поранилась, но боли почти не почувствовала. Вытерла руку об платье и, с трудом удерживая равновесие на мокрой, качающейся палубе, подлетела к краю борта.

– У нас нет другого выхода! – закричала, но голос мой среди ветра, шума волн и ставшего сильнее, чем еще несколько секунд назад, стука капель был почти неразличим. – Это безумие, но...

– Безумие! – крикнула в ответ Василиса.

Силуэт ее выхватывал только свет дальней лампы. Внезапно темноту прорезал мощный луч. Вода, черная, бурлящая, будто вспыхнула серебром; черные, низкие тучи, которых коснулся луч, казалось, лежат прямо на волнах.

– Что это?! – Василиса крепко ухватилась за поручень. Пальцы ее коснулись большой круглой пуговицы на кофте. Не теряя ни мгновения, она расстегнула ее, потом следующую, и скинула кофту под ноги.

– Маяк. – Я посмотрела в ту сторону, откуда бил луч, на черную бездну под нами.

Корабль качнулся, рукав Васькиной кофты оказался у меня под ногой. Огни порта становились все дальше, дождь усиливался. Когда-то я уже побывала за бортом. Холод, высокие волны, не дающие различить ничего, кроме собственного страха... Глупая случайность, которая могла бы стать драмой, если бы не Руслан. Глупая случайность, едва не закончившаяся тем, что в конечном итоге все равно стало неизбежностью.

Облизав с губ капли дождевой воды, отчего-то приобретшие солоноватый привкус то ли моря, то ли моих собственных слез, я устремила взгляд на маяк, дающий надежду потерявшимся в буре кораблям. Очертания его были едва различимы. Но видеть мне было не нужно.

– Если я смогу, – шепнула я, прежде, чем поставить ногу на нижнюю перекладину, – я вернусь. Как тогда. Как в первый раз...

– Ева, быстрее, – поторопила меня Василиса.

Я тоже услышала голоса. Металл был холодным, скользким. Корабль раскачивался. Волна ударилась о борт, откатилась и ударила снова.

– Они должны быть тут, – услышала я среди стоящего вокруг хаоса и тут же еще сильнее вцепилась в металл.

Но стоило мне справиться с качкой и собственной дрожью, рядом с нами мелькнул луч света, за ним еще один. Пробивающимися сквозь мглу и дождь змеями они забегали по палубе, по подолу моего платья, по спине Василисы.

– Сюда! – Я зажмурилась, когда свет ударил мне прямо в глаза. На этот раз маяк оказался ни при чем – сплетающиеся и разбегающиеся лучи фонарей были направлены прямо на нас.

Чьи-то пальцы впились в мое мокрое плечо, фонарь упал рядом с нами, но не разбился. Тот, кто схватил меня, дернул назад и Ваську.

– Нет! – зарычала я, изо всех сил вырываясь.

– Быстрее! – рявкнул мужчина. – Сука! – Он толкнул меня к поручням, прижал. Васька вскрикнула, ударившись боком.

– Вот же тварь! – зашипел моряк.

Я вонзила ногти сильнее, заметила, как лучи фонарей замелькали ближе, и изо всех сил толкнула его.

«Вдвоем нам не выбраться!» – мысль мелькнула подобно вспышке. Я полоснула ногтями по коже ублюдка, все еще держащего нас.

– Чертова бешеная сука! – Он зашипел, на миг ослабил хватку, и я толкнула его что есть силы.

Васька вывернулась, мельком посмотрела на меня. Я различила в свете катающегося по палубе фонарика ее мокрое лицо, распахнутые глаза.

Удар волны, холодный металл, дыхание за спиной, хлесткие удары дождевых струй по лицу...

Ублюдок сделал выпад в нашу сторону, на помощь ему уже спешили другие.

Вдвоем нам не выбраться...

Глава 3

Руслан

– Руслан Каримович, – отвлек меня от разговора Дмитрий.

Я мгновенно переключился на него. Ночь еще не закончилась, блеклый рассвет только-только начинал разбавлять мрак. Небо из черного постепенно становилось густо-серым, но внутри у меня было все так же темно, как и в тот момент, когда стало ясно, что случилось.

Начальник порта, выдернутый моими людьми из постели, тоже повернулся к вошедшему. Глаза драло от усталости, от горького кофе на языке остался привкус тревоги и ожидания.

– Есть новости? – только и спросил я.

Вопреки всем существующим законам жизни, до больницы Дамира довели. Прогнозы врачей, чтоб их... Длившаяся несколько часов операция закончилась буквально десять минут назад. Одну пулю достали из его плеча, еще две – из груди, четвертая засела в боку. Живучий сукин сын! Но говорить о том, что дальше, ни один из «Айболитов» не решался. Дамир по-прежнему балансировал на грани, и я понимал это без слов.

– На берегу нашли девушку, – негромко выговорил он, проходя в кабинет.

Я напрягся. После устроенной в сквере бойни все обязанности по обеспечению безопасности Дмитрию пришлось взять на себя. Безопасность... Какая, к черту, безопасность?! Все, что меня волновало – Ева. Находящийся тут же в кабинете Алекс поднялся с дивана.

– Ева? – спросил я коротко.

Внутренности сжались, кровь превратилась в густую жижу из грязного талого снега и колотого стекла. До меня вдруг дошло, что я боюсь услышать ответ. Не потому, что не хочу его слышать, а потому, что... Потерять найденного мной дождливой ночью в лесу Звереныша значило для меня переступить грань.

– Нет.

Я вытолкнул воздух через нос. Отвернулся к окну. Выплеснувшие воду тучи как будто разорвало на клочки, сквозь которые виднелись проблески света.

– У нее нашли это. – Дмитрий подошел ближе и протянул мне бусы.

Узнал я их мгновенно. Нить жемчуга, которую я сам же выбрал среди множества других. Резко поднял взгляд, одновременно с этим забирая ее.

– Что за девушка? – Голос прозвучал глуше прежнего. В глотку словно колючая проволока впилась. – Что с ней? Она жива?

– Да. – Дмитрий был немногословен.

Эта ночь была для него не такой бесконечной, как для меня, но тоже далась непросто.

Я зажал в кулаке бусины с такой силой, что они, округлые, все равно врезались в кожу. Воздух сгустился, голову сдавило. Длившиеся всю ночь поиски толком ни к чему не привели. Прекрасно понимая, чьих рук дело устроенная в аллее расправа и похищение Евы, я все равно не мог вытянуть нужные концы. Твари хорошо продумали каждый шаг. Ничего удивительного – для того, чтобы сделать то, что сделали буквально под носом у нас с Ренатом портовые крысы, нужно иметь определенную смелость, чуйку и понимание того, как и что устроено. Это уже не говоря о том, что без помощи извне вряд ли бы у них вообще что-то сложилось.

– Говори, – приказал я.

- Ее нашли на берегу в трех километрах от порта. Она жива, но без сознания.

Голые факты, тогда как я жадно ждал деталей, способных пролить свет на то, где мне искать мою жену. Если бы ее хотели убить, сделали бы это еще там, у театра.

Нет. Хотели они совсем другого. Чего именно? Вариантов у меня было несколько, и ни один из них не приходился по душе.

- Продолжай, - потребовал я, перебирая пальцами жемчуг. - Где она?

- Ее доставили в больницу. Судя по всему, она довольно долго пробыла в воде. Еще... - Он немного замешкался. - Не знаю, важно ли это.

- Говори, - повторил я, едва сдерживая желание схватить его и, прижав к стене, встряхнуть все до самых незначительных мелочей.

Моя бы воля, я бы сам прочесал каждый клочок этого проклятого города, все побережье, но куда больше толка было от меня тут. Сидевший на краю стола Алекс прищурился, в глазах его блестела сталь. Он медленно поднялся, налил из кофейника черного горького эспрессо.

- У нее необычно длинные волосы, - ответил старший службы безопасности одновременно с тем, как Алекс сделал глоток. - Ниже колен. И платье... истрепанное, но, судя по всему, достаточно дорогое.

Платье меня не интересовало. А волосы... Совпадение?

- Тебе что-нибудь известно? - обратился я к молчавшему все это время начальнику порта. - Ты когда-нибудь видел в порту похожую девушку?

Тот отрицательно мотнул головой. Задумчиво, будто пытался отмотать время вспять, что-то вспомнить.

- Учти, Мартин, - вкрадливо, с вполне ясным предупреждением проговорил я, - если ты мне врешь... - Посмотрел прямо в глаза. - Думаю, ты сам знаешь, что тебя ждет в этом случае.

– Вся эта чертовщина нравится мне ничуть не больше, чем вам, Руслан Каримович, – сказал он вполне убедительно.

Сомневаться в его верности причин у меня не было, но безоговорочно доверять я мог только нескольким людям. Особенно в свете этой самой творящейся в Грате чертовщины.

– В моем порту...

– В моем порту, – поправил я его сухо.

Он замолчал. Весь этот город принадлежал моему брату. Моему брату и, что бы кто ни считал, – мне. Сколько угодно я мог повторять себе, что больше не имею к делам Грата отношения, что в аварии, случившейся когда-то в прошлой жизни, сдохли мои обязательства и ответственность за все, что тут творится. Ни хрена! Грат намертво въелся в меня с первым вдохом его воздуха, отравленного предательством и пропитанного запахом моря.

– В вашем порту, – исправился Мартин, – я не позволю проворачивать такие дела. И дело не только в законе, Руслан. Моралист из меня так себе, но я готов лично пустить пулю в того, кто организовал у нас под носом торговлю девчонками.

Я еще несколько секунд не сводил с него взгляда, затем утвердительно кивнул. Если он лжет мне, отправится туда же, куда отправятся ублюдки, расправившиеся с моими ребятами и увезшие мою женщину. Сейчас же самым верным было связаться с Акулевским и понять, не терял ли он в последнее время кого-то из своих воспитанниц. Если наша длинноволосая русалка имеет отношение к пансионату, значит, крысы завелись не только в Грате. А об этом Борис мне ничего не говорил.

Не глядя, я убрал бусы в карман. Вспомнил, как Ева касалась их пальцами, как ладонь ее лежала на груди. Как я, черт возьми, сам касался ее всего несколько часов назад. В висках зашумело, перед глазами заплясали черные точки, едва я подумал, что в эти часы с ней могло происходить что угодно. Что с ней и сейчас может происходить все что угодно. Тряхнул головой, выругался сквозь сжатые зубы.

Перехватив тяжелый, наполненный мрачной решимостью взгляд Алекса, я сделал знак, что все в порядке, и приказал Дмитрию:

– Возьми нескольких парней. Как понимаю, девушка там же, где и Дамир?

– Да. Что касается парней, все готовы. Можем ехать, как прикажете.

– Хорошо.

Голову продолжало давить, где-то на краю сознания визг тормозов смешивался с несуществующим щебетом птиц.

Подойдя к окну, я рывком распахнул его, впуская в кабинет холодный утренний воздух и оставшийся после дождя запах сырости. Сделал глубокий вдох. Подошедший Алекс поставил передо мной чашку с кофе, кинул на блюдце рядом несколько кусков сахара. Не благодаря его, я положил один на язык и глотнул горький кофе. Снова потрянул головой и, стиснув зубы, потер переносицу.

– Я проверю Стэллу, – проговорил он, когда я немного очухался.

Вместо запаха резины в легкие снова проникал сырой воздух, пропитанный терпкостью приготовленного с пряностями кофе. Всю ночь Стэлла провела с нами, но в какой-то момент не выдержала. Скула все еще болела от ее оказавшегося куда сильнее, чем я мог себе представить, удара.

– Я тебя предупреждала, – до сих пор звучало в ушах эхом моих собственных мыслей. – Я тебя просила, Руслан! Просила не приближаться к ней. Ты – разрушение. Ты себя разрушаешь, ты все вокруг разрушаешь.

В какой-то момент голос ее сорвался на хрип, по лицу покатались слезы, но она так и продолжала бросаться словами. Похожие на дробь, они предназначались не только мне, но и Алексу. Слова, отвечать на которые мне не стоило. Едва я, раздраженный, злой оттого, что вынужден медлить, от выкручивающей нервы неизвестности, попытался сделать это, она с размаху ударила меня кулаком – так, как ударил бы не каждый мужик. Попытавшемуся усмирить ее Алексу досталась пощечина. А потом... потом силы Стэллы резко кончились – остались только слезы и короткое, сдавленное, полное мольбы:

- Найдите ее. Найдите живой, прошу вас.

- Руслан Каримович, - вновь обратился ко мне Дмитрий.

Я запил кофе еще один кусок сахара. Горькое и сладкое, черное и светлое... Этим стала в моей жизни Ева. О том, что могу потерять не только ее, но и жизнь, которую она носит под сердцем, я предпочитал не думать. И так достаточно.

Обернулся. В руках Дмитрий держал телефон.

- Найденная на берегу девушка пришла в сознание, - говорил он все так же четко и негромко. - Я отправил с ней двоих парней. Только что один прислал мне сообщение. Она очень слабая. Практически сразу уснула.

- Что они узнали? - понимая, что это не все, резко спросил я, впиваясь взглядом в его лицо.

- Она видела Еву. Живой.

- Как Дамир? - спросил я, когда навстречу мне вышел оперировавший его заведующий отделением хирургии.

Талантливый в своем деле, он вернул с того света многих. В том числе из моих ребят. Если кто-то и мог вытащить Дамира, так это он.

- Пока никаких прогнозов, Руслан, - ответил он, бесстрастно глядя на меня.

Как и для всех нас, эта ночь была для него бессонной. Проведший несколько часов у операционного стола, хирург выглядел вымотанным, но я знал, что в случае необходимости он проделает свою работу с той же ювелирной точностью, как если бы перед этим провел восемь часов в собственной постели.

– Ты зря приехал, – снова заговорил он. – Даже если все пойдет хорошо, раньше, чем через сутки, твой человек в себя не придет. И это, я повторяю, если все будет в порядке.

– Все будет в порядке, – безоговорочно заявил я. Все, черт подери, будет в порядке! – Но приехал я по другому поводу. Слышал про найденную на берегу девушку?

Он немного помолчал. Смотрел мне в лицо, потом перевел взгляд на остановившихся на некотором расстоянии от меня людей из службы безопасности. Я понял, что о Русалочке ему прекрасно известно, но сказать ничего не успел: в коридоре появился главный врач больницы. Как и заведующий хирургией, выглядел он так себе. Вчерашний день не был для них обоим рабочим, но в больницу их доставили по моему указанию сразу, как только стало известно о бойне. Один выживший на семь трупов. Я надеялся, что расклад будет хотя бы немного другим.

– Где девчонка? – спросил я сразу, без всяких приветствий. – Мне известно, что она приходила в себя.

– Ненадолго, – подтвердил главный врач. – Она в паршивом состоянии. Сомневаюсь, что сейчас она способна на разговоры.

– Мне нужно ее увидеть, – жестко выговорил я, глядя на него. – Способна она на разговоры или нет, от нее, возможно, зависит, найду я свою жену живой или нет. Отдохнет после того, как ответит на мои вопросы.

Не став больше возражать, главврач повел меня по больничному холлу к лифтам.

Больничный запах вызывал отвращение. Хотелось зарычать, ошетиниться, едва я почувствовал вонь беспомощности. Именно в этих стенах я провел не один месяц, пока мир менял ночи и дни, пока мой брат любовался своей балериной, пока Грат жил своими законами. Первые дни после своего возвращения я помнил плохо. Только адскую слабость, постоянный шум и выворачивающую кишки тошноту. Все, чего мне тогда хотелось, – послать и брата, и докторов к дьяволу.

– Руслан, только прошу вас проявить понимание, – вновь заговорил мой провожатый, когда мы вышли из кабины лифта на четвертом этаже.

На него я не смотрел – внимание привлекли люди, дежурившие у одной из дверей в конце коридора. Как и говорил Дмитрий, их было двое. Увидев нас, они поднялись, но от двери не отошли. Главврачу я не ответил.

– Не ждите от нее многого, – продолжил он. – Вполне возможно, некоторые вещи она сейчас просто не способна вспомнить.

– Сделать это ей придется, – на ходу ответил я.

Шаги наши эхом отдавались от светлых стен и покрытого мрамором пола.

Ренат хорошо растормошил как городскую казну, так и карманы спонсоров, чтобы сделать больницу такой, какой я видел ее сейчас. При моем покойном отце она напоминала захолустный сарай с плесневелыми углами и покрытым паутиной трещин потолком. До покушения я как раз начал заниматься вопросами финансирования жизненно важных для города объектов, но...

– Послушайте. Руслан, – начал было врач, но я оборвал его.

– Это вы меня послушайте. – Остановился возле дверей палаты и посмотрел в упор. – Этой ночью смертники, похитившие мою жену, расстреляли семерых моих парней. Еще один тут у вас борется за жизнь. Каждый из этих ребят был лучшим в своем деле и каждый был мне верен. С этим я еще разберусь. Единственное, что меня волнует сейчас, – жизнь Евы. Никто, кроме этой девчонки, не знает, где она. Так что ей придется вспомнить все, что есть у нее в голове.

Сказав это, я направился было к палате, но задержался еще на секунду.

– Я уже отдал распоряжение о том, чтобы она была обеспечена всем необходимым. Так что не стоит думать, что мне плевать на ее жизнь и состояние. Не плевать. Но у каждого из нас свои приоритеты. Думаю, мои очевидны.

Взглядом с лежащей на постели девушкой я встретился сразу, как только зашел в палату. Вопреки словам врача, она не спала. Огромные синие глаза ее были единственными красочными пятнами на белом, обескровленном лице. Настороженная, она попыталась привстать, но на это сил у нее было действительно недостаточно.

- Лежи, - сказал я спокойно, дав знак своим людям ждать снаружи.

Плотно закрыв дверь, я подошел ближе. Волосы у девчонки действительно были длинные - я понял это, даже несмотря на то, что она лежала.

- Меня зовут Руслан.

Настороженность ее не ослабевала. Несмотря на слабость, она сделала еще одну попытку приподняться. На сей раз это ей удалось.

- Кто вы? - выдавила она. Голос звучал тихо, сипло. Прижав ладонь к губам, она несколько раз кашлянула. Уперлась ладонью в постель и приподнялась еще немного. Лицо ее обрамляли светлые волосы, кожа казалась болезненно-прозрачной, но девчонка все равно была чертовски хорошенькая.

- Откуда у тебя бусы моей жены? - Достав из кармана жемчуг, я подал его ей.

Она застыла. Не прикасаясь, подняла на меня взгляд. Изучающе рассматривала, вглядывалась в лицо так пристально, что в какой-то момент мне захотелось схватить ее и повторить вопрос, который она, я не сомневался, поняла с первого раза.

- Она дала мне их перед... - Девочка снова закашлялась. Сделала глубокий вдох, как будто собиралась с силами. Я заметил, как дрожит рука, на которую она опирается, как бьется пульсом вена на ее шее.

- Перед тем, как что?

- Перед тем, как мы... - Новый выдох. - Мы были на корабле, - заговорила она совсем тихо. Рука ее подогнулась, и она, не удержавшись, опустилась ниже, на локоть. Волосы упали на подушку. - Я не знаю, что это за корабль. Достаточно

большой для того, чтобы... чтобы выйти в море в непогоду.

Русалочка прикрыла глаза. С каждым словом голос звучал ее все глуше.

- Но не очень. Рыболовецкий траулер или вроде того. Меня и других девушек вывезли на нем на продажу. Ева... Ее привели перед самым вы...

Кашель.

Девчонка опустила на подушку. Перевела дыхание и снова приподняла веки.

- Еву привели перед тем, как мы вышли в море.

- Куда идет корабль? - быстрый и, пожалуй, самый важный вопрос.

- Я не знаю, - выдохнула Русалка. - До этого... до этого девочек отправляли в... в Турцию. Еще куда-то... Куда этот - не знаю.

- Ева на корабле?

- Не знаю. - Она облизнула пересохшие губы. Сглотнула, собираясь с силами, и снова тяжело выдохнула. - Корабль был уже в море, когда мы... Когда мы попытались сбежать.

- Как ты оказалась за бортом?

- Прыгнула, - коротко ответила она. Голос был уже почти неразличим. - Ева должна была прыгнуть со мной. Но... там были люди. Я не знаю...

- Где она?! - Не сдержавшись, я схватил девчонку за плечо, дернул на себя. Она была совсем легкая - невесомая, как пушинка.

Волосы ее рассыпались по простыне, плечам, подушке. Спутанные, длинные, почти как... Черт!

– Где Ева?! – Я сдавил тощую руку. – Она прыгнула с тобой?! Она была с тобой в воде?!

– Я не знаю, – шепнула Русалка, приоткрыв глаза шире. – Была ночь... Волны. Я не уверена... не знаю...

Я разжал пальцы, понимая, что набухшие вены вот-вот лопнут. Девушка повалилась на постель, ладонь ее беспомощно легла на подушку.

Сжав бусы, я вложил их в ее маленькую руку и, больше ничего не говоря, вышел прочь.

Птичий щебет, визг тормозов, запах соли и жженой резины, плеск волн о борт. Маячком мелькающая в воде красная куртка, соленая кожа, запах ванили...

– Прочесать весь берег еще раз, – приказал я, едва оказался в холле. – Каждый чертов сантиметр. И еще мне нужен список всех кораблей, которые вечером были в порту. Которые заходили в этот чертов в порт в последние дни и выходили из него. Куда и с каким грузом на борту. Все рыболовецкие небольшие суда и хоть немного похожие на них. Быстро!

Прорывав это, я тряхнул головой, надавил на переносицу и шумно выдохнул. Найду ее. И найду, черт подери, живой. Если понадобится, приставлю дуло пистолета к виску самого Нептуна и заставлю его отдать мне мое. Мою женщину. Потому что хрен отдам ее ему. Она предназначена мне.

Глава 4

Руслан

– Думаю, это именно то судно. – Появившийся в кабинете начальника порта Акулевский швырнул на стол несколько листов со значащимися на них координатами и схемами следования одного из рыболовецких судов.

Следом за Акулевским появились двое из его свиты, но он приказал им убраться.

Вряд ли Мартин знал, кто стоит перед ним. Призрак. Борис Акулевский крайне редко появлялся на публике, и мало кто знал о его родстве с первым человеком страны. Другое дело, что влияние его от этого не становилось меньше.

Неудобных или перешедших ему дорогу он ставил на место быстро, так же, как и расправлялся с врагами.

Быстро пробежавшись по листам взглядом, я в упор посмотрел на Бориса. Глаза его блестели едва сдерживаемым гневом. Мрачный, подобранный, он действительно напоминал злого призрака.

- «Беринг 320»...

Судно было ничем не примечательным. Несколько раз я наткнулся на него в порту. Обычное рыбацкое корыто, на которое мне даже приходилось подниматься.

- Черт возьми, - процедил я. - Скоро эта посуда выйдет из принадлежащих нам вод.

- Да, - подтвердил Акулевский.

Больше ничего не сказав, он пошел к выходу. Я с яростью швырнул бумаги на стол. Стиснул зубы и двинулся за ним.

- Едем, - приказал Борис дожидающимся его людям. Одарил меня тяжелым взглядом. Приглашением это не было - просто так он бы не появился. Проклятая лодка.

Перехватить ее в нейтральных водах будет уже куда сложнее.

- Какова вероятность, что это не то судно? - коротко спросил я, когда мы вышли на улицу.

Водитель мгновенно открыл перед Акулевским заднюю дверь внедорожника.

– Я нашел ее, Алиев, – выговорил тот, прежде чем сесть в салон.

Посмотрел на меня пристально. Я ответил ему тем же.

Каждый раз, когда мне приходилось встречаться с ним, нервы шпарило пониманием, что он хотел моего Звереныша себе. Черная, перемешанная с ревностью ярость превращала кровь в бурлящий коктейль. Хрен он получит ее обратно, даже если захочет.

Так и хотелось оскалиться, потому что я прекрасно знал: его не отпустило. Иначе бы его взгляд сейчас не был отражением моего собственного, как и напряжение, сквозящее в каждом слове.

– Я нашел Еву, Алиев, – повторил Акулевский и скрылся в салоне.

Обойдя машину, я сам открыл дверку с противоположной стороны, а как только захлопнул ее, внедорожник рванул с места.

Не сбавляя скорости, мы въехали на небольшое поле частного аэродрома. Я сразу же заметил готовый подняться в воздух вертолет. Лопасты винта крутились медленно, лениво, как будто он, похожий на большую стрекозу, пригрелся в лучах так и продолжающего бороться с тучами солнца.

– Хочешь сказать, на этом корыте есть вертолетная площадка?

– На этом – нет, – бросил Борис. Гонимый винтом ветер и шум уже были отчетливо слышны, и говорить приходилось громче. – Есть на другом.

Двое работников аэропорта бросились к нам раньше, чем мы успели остановиться. Лопасты завертелись быстрее в момент, когда я, оказавшись на непросохшем бетоне поля, пригнулся и бегом направился к вертушке. Несколько секунд хватило, чтобы забраться внутрь и услышать разбавивший шум треск радиации. Наши с Акулевским взгляды снова пересеклись, двое его ребят оказались по обе стороны от него, мои парни, ехавшие следом во второй машине – рядом со мной.

– Готовы? – крикнул высокий мужчина в старом растянутом свитере и, получив распоряжение от Акулевского, махнул пилоту. Нас качнуло, винт заработал быстрее.

Вцепившись в поручень, я наблюдал за тем, как взлетная площадка отдаляется от нас, как постепенно превращаются в точки четыре оставшихся на нем внедорожника.

– Давно не летал на этих штуковинах, – бросил, когда мы набрали высоту.

Вертолет накренился, сделал резкий разворот. Пальцы Акулевского, как и мои, сжались на металле.

– Прикончу сукиных щенков, – вдруг прорычал Борис. Даже сквозь хлопанье лопастей я разобрал его слова. Глухой, угрожающе раскатистый голос. Скулы напряглись, гнев, который он все еще сдерживал, рвался наружу. – Раздавлю, – все то же рычание сквозь зубы.

– В больнице твоя девчонка? – До сих пор точного ответа я не знал, сейчас же понял: так оно и есть.

Акулевский отвечать не спешил. По скулам его заходили желваки, губы превратились в жесткую линию.

– Моя, – наконец проговорил он и отвернулся. – Твари. Уничтожу, – донеслось до меня.

Я проверил висящий на поясе пистолет. Уничтожит, в этом я не сомневался. Но придется ему встать в очередь, потому что сторонним наблюдателем я быть не собирался, и Акулевский это, конечно же, понимал.

– Мы подойдем к ним как можно ближе.

Сказавший это был мне знаком.

Мы стояли на палубе корабля, куда парой минут ранее опустился наш вертолет, и смотрели на обманчиво спокойное море. Выкатившееся из-за туч солнце было красноватым – предвестник непогоды и ветра. В последнее время море вообще редко было мирным.

Глядя на воду, я вспомнил о найденной на берегу девчонке. Берег постоянно прочесывали, но больше новостей не приходило, и это было, в сущности, хорошей новостью. Ночью волны накатывали на берег так яростно, что выжить среди них было сродни тому, что родиться заново, да еще и с выигравшим джекпот лотерейным билетом в зубах.

– Моя команда в вашем распоряжении. – Отведя взгляд от воды, хозяин корабля посмотрел на нас.

Лицо его покрывала густая борода, во взгляде читалась твердость и уверенность. Деньгам, положению в обществе он предпочел море и обдувающий лицо северный ветер. Именно про этого морского бродягу я говорил Еве на маяке.

– Не буду говорить, как я тебе признателен, Марат, – ответил ему Акулевский.

Задувающий в открытом море ветер хлопнул полой его пиджака, на мгновение обнажив кобуру с пушкой, подобную той, что была при мне. Для вылазки в море одет Борис был не самым подходящим образом, но его это не волновало, как не волновало никого из нас.

– Скорее всего, их не удастся перехватить на нашей территории, – предупредил Марат.

– Это не имеет значения. – Акулевский подошел ближе к краю палубы. Вгляделся в даль и кивнул нам.

Присмотревшись, я увидел появившуюся точку. Прищурился, пытаюсь разглядеть лучше.

– Береговая охрана, – подтвердил Борис, вновь обернувшись к нам. Невесело усмехнулся. – Нагрянем к нашим «рыбакам» с визитом, которого они не ждут. За последние часы мне удалось кое-что выяснить. – Еще одна невеселая усмешка, направленная уже вглубь себя. – Василиса... Вот уж не думал, что эта девочка настолько отчаянная. Дикий будет рад, когда узнает, что Синичка, которую я пообещал ему, нашлась.

Рассекая беспокойные синие волны, катер береговой охраны нес нас к уже хорошо различимому «Берингу». Я стер с лица брызги соленой воды. Именно таким это судно мне и запомнилось: способное вместить порядка пятидесяти человек и приличный улов, оно было абсолютно типичным, построенным по образцу таких же рыболовецких судов, как и его собратья.

Идущий впереди нас катер был уже совсем неподалеку от цели. Я видел, как по палубе «Беринга», дожидаясь его, прошли несколько человек.

– Они хорошо все просчитали, – зло выговорил начальник береговой охраны, находящийся с нами на катере.

– Суки, – процедил Акулевский. – Ничего удивительного, что им удавалось так долго проворачивать свои дела. – Он смерил нашего попутчика взглядом. – Сколько удалось найти среди ваших?

– Троиш, – выплюнул тот с тихим гневом. – Но, думаю, замешано больше. Я лично разберусь с каждым. Сядут они надолго.

Губы мои искривила невеселая ухмылка. Как я и предполагал, в принадлежащих нам водах «Беринг» задерживаться не стал. Пересек морскую границу и направился в порт соседнего государства. Судя по всему, партия девушек, находящаяся на его борту, на этот раз была предназначена для отправки в страны Европы. Мразям удалось не только наладить контрабанду, но и прикормить береговую охрану. По крайней мере, ее гнилую составляющую.

Начальник береговой охраны, одетый в плотную брезентовую куртку, выругался. Он был, мягко сказать, недоволен вскрывшимся нарывом, о котором до сегодняшнего дня даже не подозревал.

– Не думай, что это обойдется без моего контроля! – гаркнул Борис сквозь шум ветра, мотора и плеска за кормой.

«Беринг» был уже совсем близко – и его уже остановили.

– Ваше судно пересекло морскую границу и находится на территории чужого государства, – доносился усиленный мегафоном голос. – Оставайтесь на палубе, мы поднимаемся на корабль. Повторяю! Оставайтесь на палубе, мы поднимаемся на корабль.

– Там может начаться пекло! – рявкнул я и добавил уже тише, сквозь зубы: – Ад они себе обеспечили.

Занятые «гостями», подоспевшими первыми, на нас внимание на «Беринге-320» обратили не сразу. Часть людей из береговой охраны уже перешли на рыболовецкое судно. Сутулый, здорово потасканный жизнью моряк что-то говорил с недовольством. Лицо его, обветренное, узкое, было искажено раздражением.

На палубе «Беринга» появилось еще несколько человек. Я пристально всматривался в них, ища мразь, так долго избегавшую расправы. Виконт... Черт подери! О его причастности к нелегальной торговле живым товаром я стал догадываться несколько недель назад. Первые подозрения появились, когда он на несколько дней исчез из Грата – одновременно с тем, как имя моего брата прозвучало при сделке за пределами страны. Имя Рената, который не участвовал в этой сделке!

– Не лезь на рожон, – кинул Акулевский, мельком взглянув на меня, как только мы ступили на выдвинутый трап. – Сам знаешь, что это за твари.

– Знаю, – отрезал я, ускорив шаг.

Теперь нас заметили, и если Акулевского контрабандисты не знали, то мое появление четко дало им понять, что договориться на этот раз не выйдет.

- Где моя жена?! - Я схватил за грудки первого попавшегося на пути.

Сбоку раздался резкий окрик, кто-то из команды судна дернулся прочь, но вслед ему мгновенно раздался приказ остановиться. Тут же раздался выстрел в воздух - и стало ясно: игры закончились.

- Где Ева?! - рявкнул я, толкнув сученыша на металлическую балку борта, и, не дав опомниться, приложил снова. - Говори, тварь, - процедил, нагибая его над поручнем. - Иначе я тебя не просто на корм рыбам отправлю. Я тебя, суку, в колонию пошлю к пожизненно заключенным. А перед этим яйца отстрелю. Как думаешь, порадуются там девочке?! Где она?!

Одетый в дорогой свитер, он был явно не одним из матросов, дрящущих палубу. Скалясь, он перехватил мою руку. Впился пальцами, пытаюсь высвободиться.

- Говори!

- Руки на стену! - прозвучало позади. - Всем встать у рубки! Оружие на палубу!

Поняв, что ублюдок тянется к пушке, я выхватил свой пистолет и ткнул ему под подбородок. Крик залетевшей слишком далеко в море чайки прозвучал как еще одно предупреждение.

Рывком я забрал у крысы ствол и сунул в карман. Вдавил дуло сильнее, рыча, как дикий зверь:

- Где Ева? И не говори, что ты не знаешь, кто это!

- Она... - засипел ублюдок. - Она в каюте с другими. Нижняя палуба.

- Номер каюты!

- Восемь.

Вдавливая ствол в его подбородок, я с трудом удерживался от того, чтобы спустить курок и разнести его башку, как прокисший арбуз. Одна пуля – и ошметки его черепа украсили бы палубу вместе с багрянцем крови. Слишком, черт возьми, легко.

– Восемь! – повторил он, как будто я мог не расслышать. Сглотнул, кадык его прошелся вверх-вниз.

Смердящий страхом, он походил даже не на крысу – на напуганную тупую шавку. Не уличного пса, а шавку, умеющую разве что таскать объедки из мусорных баков.

– Поверь, – убрав ствол, бросил я напоследок, – ты еще пожалеешь о том, что я не пустил в тебя пулю прямо сейчас. – Берите его! – кивнул своим парням и, схватив ублюдка за шкирку, подтолкнул к ним.

Проходя по палубе, я видел, как ребята из береговой охраны защелкивают на запястьях мерзавцев браслеты наручников. В голове шумело, кровь стучала в висках. Ева. Все, что было важно сейчас, – найти ее и убедиться, что это действительно она. Что она тут, что жива, что ей больше ничего не грозит. Сильнее желания стереть в порошок всех причастных к ее похищению и разведенной в Грате грязи было только одно: прижать ее к себе и, прикрыв глаза, наполнить легкие запахом ванили. Почувствовать ее дыхание и позволить себе понять – это реальность, а не игры больного воображения. Она реальна, ее жизнь в моих руках реальна.

– Найдите Виконта! – гаркнул я старшему. – Его и его свору.

По лестнице я спустился, почти не касаясь ступенек. Снаружи раздались звуки пальбы, голоса. На каком-то из катеров взревела сирена, и вой ее отдался у меня в голове напряжением. Третья, четвертая...

Я дернул ручку нужной каюты. Дверь была заперта.

– Черт! Я стреляю в замок, отойдите в стороны!

Отсчитал пять секунд и пустил несколько пуль.

Внутри каюты царил полумрак.

– Где Ева? – резко спросил, наткнувшись на испуганные взгляды нескольких девушек, жавшихся к стенам. – Брюнетка, которую привели перед выходом в море?!

Все в комнате было пропитано страхом. Только страх этот был не смердящим – он пробирался под кожу отчаянием.

– Где девушка, которую привели перед выходом в море?! – гаркнул снова, не получив ответа.

Одна из девиц покосилась в сторону. Снова посмотрела на меня. Я быстро глянул в угол и не сразу понял, что вижу. Мое сознание не сразу приняло увиденное.

– Ева! – просипел, ощущая, как внутри все сворачивается в воронку.

Черную ледяную воронку моей собственной преисподней.

Глава 5

Руслан

Я чувствовал дикую усталость. Проведенная без сна ночь, адский предшествующий ей вечер и немногим отличающийся от него сегодняшний день истрепали меня, как шкодливый котенок рулон бумажных полотенец. Глотку драло от черного, приправленного имбирем, мускатным орехом и гвоздикой кофе, пресловутой бодрости от которого я совсем не испытывал. И все-таки, стоя у окна в палате гратской больницы, я продолжал цедить его.

В борьбе света и темени победила, как это зачастую и случается, вторая. Проглотившие беспомощное солнце серые тучи снова клубились над городом,

наполняли его сердитыми раскатами грома.

Услышав тихий стон, я воткнул опустевший стаканчик в другой такой же, что стоял рядом на подоконнике, и вернулся к постели.

– Ева, – позвал тихо.

Ответа, само собой, не получил и, погладив узкую бледную кисть пальцами, выдохнул. Выдох получился похожим на глухой рык. Голова была свинцовой, как будто ее тоже набили тяжелые тучи. Сколько еще часов мне предстояло провести без сна, я не имел понятия. Мог бы устроиться тут же, на стоящем в углу палаты диване, но знал: не усну.

Когда там, на «Беринге 320», в самом углу пропитанной страхом каюты на брошенной прямо на пол подстилке я увидел свою жену... Платье покрыто кровавыми пятнами, волосы разметались вокруг плеч и лица, бледные губы приоткрыты. Лямка платья разорвана, лицо...

– Ева! – Я кинулся к ней и приложил ладонь к груди, попытался найти пульс на шее. Но не мог.

То ли не мог, то ли его просто не было.

Но едва я услышал почти невесомый, перемешанный со стоном выдох Евы, задышал сам. Касался ее прохладной щеки, спутанных волос, отяжелевшего безвольного тела и понимал, что до этого момента болтался между небом и землей.

Помню, как с ее выдохом я прикрыл глаза, как шептал какую-то ересь. Как потом поднял голову и столкнулся с взглядом высокой девушки с чуть раскосыми глазами. Подогнув ноги, она сидела в противоположном углу и смотрела на меня, а по щекам ее текли слезы.

– Прости, Звереныш, – просипел я, поглаживая ладонь Евы. На предплечье уродливым пятном выделялся большой синяк. Сколько всего их теперь на ней, я не имел понятия и, честно говоря, иметь его не хотел.

Слишком много для того, чтобы обойтись без потерь.

Потери... Я мрачно хмыкнул. Курок я все-таки спустил. В тот момент, когда прибывший с нами на катере береговой охраны врач отдавал указания, я заметил одного из подручных Виконта. Должно быть, он остался единственным, кого еще не погрузили для отправки на берег. И в него я, бессильно рыча, разрядил обойму. Прекрасно понимая, что значат бурые пятна на подоле светлого Евиного платья...

Тяжелые шаги в коридоре стихли у самой двери палаты, она отворилась, и я услышал отданный охране приказ Акулевского:

– Ждите снаружи. Да... – Еще секунда промедления. – Я хочу, чтобы у этой палаты постоянно кто-то находился. У этой и у палаты второй девушки.

Он вошел и затворил за собой дверь.

– Паршивый день, – поднявшись, процедил я.

Акулевский одарил меня тяжелым взглядом. Мелкие морщинки в уголках его глаз стали заметнее, как и темные круги под ними. Все случившееся за последние сутки оставило на нем ничуть не меньший отпечаток, чем на мне. На Еву он не смотрел.

– Мне бы следовало вздернуть тебя, Алиев, – выговорил он. Холодно, спокойно, как говорил почти всегда, но от меня не укрылись сдавленные, хриплые нотки в его голосе. – Ты видишь, до чего довела твоя гребаная самоуверенность?! Решил, что ты бог?! Что рядом с тобой ей ничего не грозит, мать твою?!

Я стиснул зубы. Борис подошел к постели и все-таки посмотрел на Еву. Поджал губы. Глаза его стали темными, черты лица более резкими. В палате воцарилось молчание. Я стоял, неотрывно наблюдая за ним, и в очередной раз чувствовал, как выворачивается нутро. Ревность, ожидающая прикосновений Акулевского к Еве, свернулась внутри огненным шипастым клубком. Смешанная с чернотой и горечью, она превратилась в самый настоящий яд, держащий на грани, но не способный при этом прикончить.

Но к Еве Акулевский так и не прикоснулся. Резко обернулся на меня.

- Если ты продолжишь так дальше, сам знаешь, чем это может закончиться. Тебе мало?

Я смотрел на него, отчетливо понимая, что этот сукин сын прав. Ребенка я потерял и, если бы все зашло немного дальше, мог бы потерять и Звереныша. Огненный шар ревности сжался, позволив взять бразды правления черному гневу и горечи.

- Выследить его не удалось? - спросил я вместо ответа.

- Пока нет. - Борис отошел от кровати и посмотрел в окно. Мрачная, танцующая с ветром темнота на улице постепенно сгущалась. - Полагаю, его предупредил кто-то с берега. Придется хорошенько поговорить с правительственной верхушкой наших соседей. Хотят они или нет, им придется дать нам карт-бланш на своей территории. Раз у них развелись гниды, вывести которых сами они не способны, придется нам давить их.

- Власти могут отказаться, - заметил я, прекрасно понимая, что мало кому захочется пускать чужаков на свою территорию. Мало ли что откроется, когда мы начнем копать. Вполне возможно, что рыльце в пушку не только у мелких сошек, но и у рыб покрупнее.

- Не могут, - отрезал Борис так, что мне стало ясно: у него есть весомые аргументы, которые он выдвинет, чтобы добиться своего.

- Ты все еще думаешь, что ореол твоего несуществующего божественного сияния распространяется и на нее? - продолжил Акулевский. - Если так, то ты не просто самоуверенный щенок, Руслан. Ты глупец.

- Гарантировать ее безопасность не смог бы и ты, если бы она была с тобой.

Сразу Борис не ответил. Только гнев во взгляде стал заметнее, как и его напряжение. Мы смотрели друг на друга точно так же, как и минувшим утром, перед тем как я сел в его машину. Прямо, в упор.

– Возможно, – выговорил он после недолгой паузы. – Но она была не со мной, Руслан. Она была с тобой.

И он вышел из палаты, положив перед этим на тумбочку возле постели небольшую, украшенную пышным жемчужно-перламутровым бантом коробочку.

Я не прикоснулся к ней. Вернулся к окну, предварительно поручив принести мне еще один горький кофе, но на этот раз не с пряностями – с коньяком. Чертов сукин сын Акулевский. Чертов сукин сын, будь он проклят, потому что Ева действительно была не с ним. Она была со мной. Со мной, а сейчас она здесь – в этой безликой больничной палате, покрытая синяками и еще не знающая о том, что под ее сердцем больше нет жизни.

Глава 6

Ева

Мой собственный выдох был первым, что я услышала, когда действительность начала пробираться в сознание сквозь туман. Только после него облизнула губы и постаралась открыть глаза. Окружающий меня полумрак был мягким, почти приятным, и я пошевелилась в надежде, что руки не окажутся связанными. Связанными они не оказались. Вместо жесткого пола – удобная свежая постель, вместо платья – что-то легкое, свободное, вместо запаха соли...

– Руслан... – только и сумела просипеть я. Голоса не было, короткий выдох иглами прошелся по горлу, обжег.

Я тяжело сглотнула. Память подкинула воспоминание о том, как один из тащивших меня по коридору схватил за шею и с силой ударил о стену. Как втолкнул меня в другую каюту. Как одновременно с ударившей о борт волной он швырнул меня снова...

– Рус... – попробовала позвать я снова. Показалось? Запах кедрa и пряностей. Кофе...

Застонала, приподнимаясь, и тут же услышала шорох. Ощутила прикосновение к плечам, теплое дыхание на щеке. Локоть подогнулся, и я, обессиленная, упала в такие нужные мне руки.

- Малышка... - Его сдавленный шепот согрел мою щеку. Губы, жесткие, нежные, коснулись скулы.

Руслан прижал меня к себе и выдохнул так, как будто до этого на минуту задержал дыхание.

Не обращая внимания на боль, я уткнулась в него. Руки не слушались, слабость была такой, что я с трудом могла поднять их. Обхватила его за шею, прильнула еще ближе и, не выдержав, всхлипнула. Слез не было - только этот всхлип, царапнувший горло так же, как выдох до него. Я ткнулась носом в шею Руса, подняла голову и почувствовала кожей его жесткую щетину.

- Хорошо, что ты успел, - выдавила, касаясь пальцами его волос. - Я так боялась...

- Успел? - Голос был пронизан горечью, злостью, гнетущей неизбежностью.

Мягко взяв за плечи, он отстранил меня от себя, но руки не разжал. Несмотря на полумрак, я видела его лицо, темные глаза. То, что тронуло линию его рта, нельзя было назвать ни улыбкой, ни усмешкой, ни даже оскалом.

- Нет, не успел. Не успел, черт возьми!

Взгляды наши встретились всего на мгновение. Поднявшись, Руслан отвернулся. Я продолжала смотреть ему в спину.

Удар о стену в каюте там, на корабле, был таким сильным, что у меня зашумело в голове. Вслед за ним я получила следующий - по ребрам. Появившийся Вик закрыл за собой дверь и, закутив, прищурился на меня. То, что я сделала дальше, было ошибкой. Глупой ошибкой. Стоя у стены, я, босая, мокрая, прошептала, обращаясь к нему:

- Пожалуйста... Я беременна. Прошу вас...

Он прищурился сильнее. Затянулся. По тому, что появилось в выражении его лица, я поняла, что мне действительно не следовало этого говорить. Интуиция, подсказывавшая мне молчать еще по пути в порт, была моим единственным советчиком. Стоило прислушаться к ней. Стоило. Потому что реакция Вика сломала последнюю надежду:

– Беременна, говоришь? Тогда Алиеву тем более не следовало мешаться у меня на пути.

Он кивнул своему человеку. В каюте появились еще двое. Удар, удар, острая боль внизу живота. Что-то теплое, побежавшее по бедрам...

Пытаясь отогнать страшное воспоминание, я прикусила губу, сосредоточилась на Руслане.

Грязно выругавшись, он сжал руку в кулак. Подошел к окну и резко отдернул штору. Темень за стеклом была гуще, чем тут, в палате, освещенной слабым ночником, и я различила его размытое отражение. Опершись обеими ладонями на подоконник, он, обычно сильный, сгорбился и отчетливо скрипнул зубами.

– Ты уже сама поняла, да?

Я бы могла спросить его, что именно, но не стала. Хотелось подняться, подойти и обнять его, поцеловать между лопаток. Но сил на это мне не хватило бы. Их было слишком мало даже на то, чтобы просто сидеть.

– Да, – тихо отозвалась я и, когда Рус, обернувшись ко мне, посмотрел загнанным зверем, добавила: – Я сразу поняла. Сразу, как только... – Говорить было трудно уже не из-за боли в горле. – Неважно.

Заметив, как он напрягся, я качнула головой и повторила не только ему, но и самой себе:

– Неважно, Руслан, это... – Перевела дыхание, борясь со слабостью. – Это случилось.

Коснулась ладонью одеяла в районе живота. Не успевшая толком почувствовать, понять, осмыслить то, что внутри меня зародилось наше с Русланом одно на двоих продолжение, я потеряла его.

Сглотнула, облизнула пересохшие губы и убрала руку. Рус налил в высокий стакан воды из бутылки и подал мне.

– Что случилось в сквере?

– В сквере... – повторила я за ним. Сделала несколько жадных глотков. Снова почувствовала боль в горле. Глотать было тяжело, но я отпила еще немного. – Мы со Стэллой... Мы поругались.

Вернула стакан Русу. Тот поставил его на тумбочку. На кровать он не присел – стоял рядом, будто темный ангел, лишившийся крыльев, но все равно способный закрыть меня от бури размахом оставшейся вместо них тени.

– Она... С ней все... все в порядке? – Мысль о сестре заставила сердце тяжело удариться в груди. На корабле были и другие девушки, которых я не видела. Что, если...

– Да.

Короткий ответ Руса оборвал нарастающую тревогу. Облегчение, которое я испытала, было настолько сильным, что сама не ожидала. Выдохнув, кивнула.

– Я хотела немного подышать воздухом. И...

– Дамир не должен был позволять тебе этого.

– Я уговорила, – призналась честно. – Ненадолго. Мне действительно было это нужно. А потом...

Удар упавшего возле моих ног тела, звуки выстрелов, прикрывающий меня собой Дамир... Говорить об этом было выше моих возможностей.

Прикрыв рот ладонью, я судорожно выдохнула и мотнула головой.

– Дамир единственный, кто выжил. – Теперь Рус все-таки опустился на постель. Провел ладонью по моей скрытой одеялом ноге. Откинул его и погладил уже через ткань сорочки.

Я подняла на него взгляд. Продолжения он не требовал. Просто сидел и поглаживал меня. Очертил чашечку колени, коснулся голени, накрыл лодыжку и опять посмотрел в глаза.

– Врачи дают прогнозы с осторожностью, но если он продержался эти сутки, значит, выкарабкается.

– А остальные? – шепнула я, понимая, что остальных уже нет. Больше нет.

Молчание Руса стало тому подтверждением. Я отвела взгляд. Если бы не бал, не мое желание пойти туда... Впрочем, что случилось бы тогда, неизвестно. Девочки, которые были со мной...

– На корабле были девушки... – Мысль о них возникла так резко, что в груди все сжалось, дыхание перехватило. Голова закружилась, и я едва не повалилась на постель. Руслан подхватил меня. Помог лечь.

– С ними все в порядке, – тихим бархатным рокотом ответил он и сел ближе.

Выдохнув, я закрыла глаза. Снова хотелось пить, и я прошлась языком по губам. Что было бы с девочками, если бы я не оказалась на корабле? Вряд ли их успели бы найти. Тугим узлом во мне переплелось сожаление, чувство вины, потери и облегчения. Губы дрогнули, уголки глаз защипало слезами. Они подступили так неожиданно, что я не сумела сдержать их.

– Все позади, Ева. – Рус коснулся моих волос. Нажал немного сильнее, так, что я снова ощутила его силу, его уверенность и его тени-крылья.

В нашу первую встречу он показался мне похожим на хищную птицу. Тень от крыльев большой хищной птицы...

Наслаждаясь его прикосновениями, я позволила себе забыться. Ненадолго. Минуту, может быть, две или даже три я лежала, не шевелясь и почти не дыша.

Сжавшееся комочком сердце отзывалось на простую ласку, как не смогло бы отзываться больше ни на что.

– Как ты нашел меня? – спросила, почувствовав себя немного лучше. Несмотря на то, что только проснулась, меня снова утягивало в сизую дымку дремоты. Но пока я могла бороться с этим. – Как нашел этот корабль?

Я повернулась и, вглядываясь в лицо мужчины, которого уже не надеялась увидеть снова, потянулась к его руке, опустившейся на одеяло возле моей груди. Сжала пальцы – такие горячие по сравнению с моими, замерзшими, почти что мертвыми.

– Ночью на берегу нашли девушку.

Руслан тоже смотрел на меня. Теперь уже мои пальцы утопали в его ладони. Мне показалось, что в нем появилась какая-то отстраненность, которой не было еще минуту назад. Как будто он находился рядом, но в то же время думал о чем-то своем. Ощущение это появилось и пропало одновременно с тем, как Руслан сильнее обхватил мою кисть.

– У нее были твои бусы.

– Василиса... – шепнула я. Внутри все оборвалось, губы не слушались.

Я вспомнила.

Луч маяка пробивал мглу, окружающую нас. В его свете были видны струи дождя и гребни волн. Судно раскачивалось, холод пробирался внутрь, а в крови бурлил дикий адреналин. Мокрое платье оплелось вокруг ног, когда мне оставалось сделать последнее: броситься навстречу свободе. Или смерти. Только одна из нас могла спастись... И за миг до того, как ублюдок схватил Василису, я впилась ногтями в его кисть. Рванула кожу, оставляя кровавые борозды. Ощутила его хватку, принялась отбиваться. Если у кого и были шансы добраться до берега – то у Синички, не у меня. Платье! Слишком роскошное для этого судна. Слишком длинное. Я бы могла попробовать, но... Это бы лишило шанса нас обеих.

– Ублюдок! – прорычала я, когда он схватил меня. Всплеска не слышала, видела только, как силуэт Васьки, больше похожий на пятно, исчез. Только-только она была рядом со мной, а теперь...

– Сучье отродье! – Вместо плеча Васьки он впился в мое.

Оттащил от борта, рванул за лямку платья. Вокруг уже собрались остальные. Трое или четверо, перекрикиваясь, стояли у борта. Изловчившись, я впилась зубами в ладонь держащего меня скота, ударила его в грудь. Бессмысленно – этим я могла разве что больше разозлить его. Но все, что мне осталось, – это отчаянное сопротивление и мысленная мольба, чтобы наш один на двоих с Синичкой шанс не был иллюзией. Чтобы все было не напрасным.

– Тварь! – Он сжал меня, скрутил руки и поволок по палубе. Платье еще сильнее обвилось вокруг ног, и я, путаясь в нем, все равно пыталась сопротивляться. Голые плечи покрылись мурашками, под босыми стопами хлюпала вода. В последний раз я посмотрела на величественный и спокойный в своем бесстрастии маяк, дающий надежду пробирающимся сквозь шторм кораблям. На беснующееся море... Сделай это, Синичка. Только бы не напрасно...

– Она... – договорить я не смогла.

– Не скажу, что она в порядке. – Теперь на губах Руса появилось нечто схожее с кривой, едва различимой усмешкой. И опять волна облегчения. – Но могло быть куда хуже.

– Она... – Голос дрожал так сильно, что казался мне совсем чужим. – Она жива? Синичка... она...

С какой силой я сжала руку Руса, поняла не сразу. Только когда пальцы начало сводить, заставила себя отпустить его. Но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на меня, как и раньше – прямо, не в глаза – в душу. Крупная капля, прокатившись по щеке, кляксой упала на наши руки, за ней еще одна. Василиса...

– Не знаю, как она сделала это. – Рус отпустил мою руку. Поднялся и отошел к двери. Перестав чувствовать его, я мгновенно замерзла. Как будто кожи опять касался холодный дождь, как будто под ногами была мокрая скользкая палуба, а

ветер путался в волосах и отяжелевшем подоле бального платья.

Отворив дверь, Руслан приказал кому-то принести горячий чай и липовый мед. Немного подумав, сделал свет ярче. До того тускло мерцающий, он заставил меня зажмуриться.

- Выключить? - тут же спросил Рус, но я отрицательно помотала головой.

Кое-как подтянула к себе ноги. Мысль о том, что Василиса смогла добраться до берега, подействовала на меня, как доза обезболивающего. И пусть я знала, что это ненадолго, сейчас чувствовала нечто отдаленно напоминающее счастье. Счастье с привкусом крови и моей собственной потери.

- Когда Дмитрий принес мне твои бусы... - Руслан шумно выдохнул. - Ева...

Я спустила ноги с постели. Уперлась рукой в край кровати, борясь с дурнотой, с головокружением. Наткнулась на предупреждающий взгляд Руса. Коснувшись лба, убрала волосы. Как бы ни хотелось мне подняться, все-таки не решилась.

- Прости, - сказала шепотом. За дверью слышались и снова стихли, погружая нас в тишину, отзвуки чужого разговора. - Прости, Руслан, - повторила, не пытаясь отвести взгляд. - Если бы я не вышла из театра...

- Никто не знает, что было бы тогда, - отрезал он. - Ты всего лишь средство достижения цели.

- Из-за меня погибли твои люди, - возразила я, хотя и понимала, что в определенной степени он прав.

В этой игре я - орудие, средство достижения цели, оказавшееся более доступным, чем все другие. Марионетка.

- Мои люди погибли потому, что я недооценили врага. Никогда не стоит недооценивать своих врагов, Звереныш.

- Их главного называли Вик. Ты знаешь его?

– Виконт. Он начинал с моим отцом. Потом начал свое дело – открыл частное охранное агентство. Мой брат доверял ему, черт его возьми! – процедил Рус, мотнув головой. – То, что случилось, Ева, не было спонтанным. Вик все просчитал и выбрал момент. Двуличная тварь. Я ведь с самого начала предполагал, что он с этим связан, – сказал опять сквозь зубы. – Он умен... Н-да... И хорошо знаком с обратной стороной этого города.

– Теперь все закончилось?

Губы Руслана сжались в линию, темнота глаз наполнилась гневом. Он резко отвернулся и, приблизившись к подоконнику, встал, расставив ноги на ширину плеч.

– Руслан, – неуверенно позвала я, чувствуя, что что-то не так. – Вы... Вы всех взяли? Тот человек... Виконт...

Он молчал. Я не сводила с него глаз. Напряженный, мрачный, он смотрел словно не в окно. Не на Грат, не на скрытый в ночи сквер перед больницей – в пустоту.

– Руслан, – позвала я снова и все-таки сделала попытку подняться.

Обернувшись, он взглядом заставил меня остановиться.

– Нет, – коротко, тихо, жестко. – Виконту и нескольким его шакалам удалось уйти.

– Удалось уйти? – ошеломленно переспросила я. Приоткрыла губы, но больше ничего сказать не смогла. Только ощутила, как леденящий ужас прошелся вдоль всего позвоночника. – Но... Руслан... Все же будет хорошо? Скажи, что вы... что вы знаете, где их искать. Что... что все будет хорошо.

– Все будет хорошо, Звереныш, – так же тихо и жестко ответил он. Перевел взгляд на темноту за окном и повторил: – Теперь все будет хорошо, обещаю.

Глава 7

Руслан

– Считаешь, он вернулся в страну? – Задумчиво посмотрев на меня, Акулевский поднялся с кресла.

Открытая веранда его особняка выходила на задний двор. Цветущая сирень наполняла воздух сладковатым чувственным ароматом, который доносил до нас мягкий юго-восточный ветер.

Подойдя к оплетенной вьюном деревянной перегородке, Борис окинул сад взглядом. Особняк его находился вблизи Грата и, как я догадывался, был далеко не единственным из принадлежащих ему.

– Более того, я считаю, что он где-то в Грате. – Я откинулся на спинку.

Акулевский еще некоторое время смотрел в сторону облепленных белыми и сиреневыми цветами кустов, потом повернулся ко мне. Слова мои, судя по всему, стали подтверждением его собственных мыслей. За несколько дней, прошедших с момента взятия команды «Беринга-320», выйти на след Виконта нам так и не удалось. Создавалось впечатление, что он растворился в воздухе или, повесив себе на шею пару свинцовых гирь, нашел пристанище на морском дне. Учитывая, что его ожидает при поимке, с его стороны это было бы весьма предусмотрительно. Только и я, и Акулевский понимали, что ни того, ни другого он не сделал.

– Хочешь спрятаться так, чтобы никто не нашел, спрячься у всех на виду, – проговорил Борис.

На круглый деревянный шарик, венчающий один из столбиков перегородки, опустилась небольшая птичка. Встрепенувшись, она склонила головку и несколько раз громко чирикнула. Акулевский, как и я, наблюдал за ней. Как будто кокетничая, она перепорхнула с шара на поручень и защебетала – звонко, беззаботно. Губы Бориса искривила мрачная улыбка.

За время нашего разговора о Еве мы не обмолвились и словом. В том, что о ее состоянии ему докладывают, я не сомневался. Что же до остального...

Вечером Еву должны были выписать из больницы. Состояние ее, несмотря на пережитое, опасений не вызывало. Синяки, ставшие только заметнее, служили напоминанием о бесконечной ночи, пережить которую было куда труднее, чем любую из предыдущих. Глядя на девчонку, вернувшую мне способность чувствовать, я почти непрерывно соображал, как найти Виконта. Стальная проволока этой мысли протянулась через каждый мой нерв. Найти и вернуть ему долг. Но прежде нужно сделать кое-что еще. То, что стоило сделать раньше. Намного раньше.

– Не помешаю? – вслед за почти неслышным шорохом услышал я голос, похожий на щебет вспорхнувшей птички.

Та самая девчонка, что навела нас на след «Беринга», держа в руках поднос, вошла на веранду.

– Вы просили принести чай.

Борис кивнул, позволяя ей выставить на стол чашки, и она подошла ближе.

Больничную сорочку сменило легкое платье. Скромное, с маленьким круглым вырезом, оно едва прикрывало ее колени, и я мог видеть оставшиеся на ногах царапины. Руки тоже были покрыты ссадинами, но мое внимание привлекло не это. Тонкое запястье обхватывала нить жемчуга. Обмотанная несколько раз, она не скрывала старого следа от веревки, скорее подчеркивала его уродливость. Я поднял взгляд к ее лицу.

– Чай с чабрецом и душистыми травами, – сказала она, аккуратно выставив все на стол. Кому были предназначены эти слова, я не понял. Видимо, нам обоим. – Сливки, домашнее печенье и бисквиты. – Девчонка поставила рядом блюдо с выпечкой и молочник.

– Спасибо, Василиса, – кивнул Борис и обратился ко мне: – Василиса замечательно печет. Советую тебе попробовать ее бисквиты. Никогда не был любителем сладкого, но у этой девочки золотые руки.

«Эта девочка» слегка смутилась. Глянула на него из-под густых ресниц. Волосы ее, теперь доходящие только до поясницы, были распущены и убраны по бокам маленькими, усыпанными камнями заколками.

- Можешь идти, - отпустил ее Акулевский.

- Решил оставить ее себе? - Послушавшись совета, я взял еще теплый бисквит.

Голода я не чувствовал вот уже несколько дней. Отчаянное, животное желание найти того, кто оставил на теле моего Звереныша уродливые лиловые следы, из-за кого подол ее платья обогрела кровь моего ребенка, гнало вперед, затмевая все остальное. Но аромат выпечки был хорош. Слишком хорош для того, чтобы его игнорировать.

- За ней скоро приедут. - Акулевский вернулся за столик.

Взял чашку с налитым чаем, добавил немного сливок. Откусил печенье и, положив его на блюдце рядом с собой, посмотрел на часы.

- Дикий должен появиться минут через двадцать. Хотя... - Он хмыкнул и позвал, повернувшись к двери: - Василиса!

Девчонка появилась буквально через пару секунд. Испуганной она не выглядела, хотя была явно напряжена.

- Что-то не так? - осторожно спросила она.

- Все в порядке. Но, будь добра, принеси еще одну чашку.

- Улитки с ветчиной и шпинатом уже готовы. - Она задержалась на пороге. - Принести их? Вы просили, чтобы они были готовы к одиннадцати.

- Да. Нашего гостя еще нет, но, думаю, Руслану твои улитки тоже придется по душе.

Свежий бисквит буквально таял во рту. Черт подери! Как бы там ни было, а девочек в пансионате Акулевского готовили на славу. Вспомнилось пожаренное

Евой на крохотной плите в автодоме мясо, ее гренки... Простые, сладкие, пропитанные молоком и запахом ванили, они были, наверное, самым лучшим из того, что я пробовал за всю свою жизнь. Только дело тут не в мастерстве. Нет. Дело совсем в другом.

Несколько недель назад, когда Борис, без приглашения заявившись ко мне в особняк, выложил факты о происходящем в порту, я уже и сам стал понимать, что в Грате появились люди, решившие наладить свое дело. Прибыльное и откровенно нелегальное. Акулевский только подтвердил это. Было известно мне уже и то, что именно ему принадлежал пансионат, откуда сбежала Ева.

– Убирайся к черту, Акулевский, – выйдя тогда к нему, процедил я. Его сопровождали четверо сотрудников службы безопасности, но на моей территории он был только гостем, причем незванным.

– Вначале послушай, что я тебе скажу. – Он остался стоять на месте.

Слушать его не было ни малейшего желания. В то время желаний у меня вообще было немного. Глядя на него, я чувствовал темную ярость. Какого дьявола Акулевский тут забыл?! Тем более после того, как он решил, что может безнаказанно забирать у меня то, что ему не принадлежит. Это самое «принадлежит» подливало масла в огонь, потому как мысли, что он дотрагивался до Евы, затмевали собой все разумное.

– Мне нужна твоя помощь, – выговорил он, когда я снова приказал ему убраться из своего дома.

Некоторое время я колебался между тем, чтобы отдать приказ охране выставить его за ворота, и чем-то похожим на интерес. Разум подсказывал, что спешить не стоит.

– Хорошо. – Я пригласил его следовать за собой в дом. Охрана направилась было за ним, но я взглядом дал понять, что говорить мы будем наедине.

Ходить вокруг да около он не стал – сразу выложил все, что у него было. И тогда, как и сегодня, ни слова не сказал о Еве. Только дело. За последующие месяцы виделись мы всего несколько раз, но все же я узнал Акулевского немного лучше. Рассказы Евы про пансионат оказались правдой, но... Правдой, обнаженной

только наполовину.

Я откусил еще один кусок бисквита.

– Уверен, что с ней все будет в порядке?

– Уверен, – спокойно ответил Акулевский и подлил себе чаю. – Я пообещал ему Василису еще около года назад. Думаю, эта девочка – как раз то, что ему нужно.

Я хмыкнул. Дожеввал бисквит и, последовав примеру Бориса, добавил чаю. Внимательно посмотрел на Акулевского, раздумывая, стоит ли лезть во все это глубже. Пансионат, девушки... Однако размышления мои так ни к чему и не привели.

– Ваш гость, – доложила Василиса.

Подойдя, он пожал руку вначале хозяину, а потом и мне.

– Давно тебя не видел, Ян, – сказал я, ответив ему крепким рукопожатием.

– И я тебя, – бросил Дикий, усаживаясь с нами за стол, на котором уже появилось блюдо с ароматными улитками.

Я продолжал смотреть на перехваченное жемчугом тонкое запястье девчонки. Черные волосы, наполненный вызовом взгляд. Синяки на нежной коже, кровь на подоле платья... Все бы сейчас отдал за пахнущие ванилью и молоком гренки. Но... у всего в этой жизни есть цена. Порой слишком большая, чтобы заплатить ее.

Завершив вызов, я поставил телефон на беззвучный режим. Убрал в карман и, открыв дверку внедорожника, вышел на пристань.

Повторное обследование Евы, проведенное утром, подтвердило, что состояние ее не вызывает опасений. По крайней мере физическое. Стереть же из памяти воспоминания могло только время, новые события и люди, находящиеся рядом. Только что врач сказал мне, что я могу забрать ее не вечером, а в ближайшие часы.

Поставив авто на сигнализацию, я направился к каменному ограждению, отделяющему набережную от воды. Вместо того чтобы развернуть внедорожник и рвануть в больницу, снова достал телефон. Услышав голос своего человека, положил ладонь на нагретый солнцем камень ограды.

– Дмитрий, только что мне позвонил врач Евы. Забери ее... Да... Прямо сейчас... Не думаю, что он сунется... Да... Да... Отвези ее в особняк и проследи, чтобы все было в порядке.

Отдав распоряжение, я поджал губы. Вода искрилась в солнечных лучах, приласканное ими море еще сильнее пахло солью.

С час после того, как оставил Акулевского разбираться с Диким, я колесил по пригороду. Мощная машина рычала, когда я выжимал из нее максимум, вырывала колесами клочья смешанной с травой земли, но ни скорость, ни подчинение тяжелого внедорожника удовлетворения мне не приносили.

Обернувшись на размеренный стук каблуков, я увидел приближающуюся Каролину.

Она неспешно шла со стороны пустой сейчас пристани. Порт, обычно живущий своей собственной жизнью, сегодня был тихим, что случалось нечасто. Одно оставалось неизменным: ни порт, ни его обитателей не интересовали чужие заботы и проблемы.

– Думаешь, наступило лето? – Подойдя, Каролина встала рядом.

Я почувствовал запах ее духов – дорогих, без слов дающих представление о женщине. Каролина тряхнула головой, и солнце заиграло в ее каштановых волосах.

- Что ты здесь делаешь? – спросил, оставив без внимания ее вопрос.

Как и я, Каролина положила ладони на камень. Через ее шею был перекинут узкий шелковый шарф, дополняющий платье, мочки ушей украшали крупные серьги. Возможно, мне стоило найти что-то подобное ей. Кого-то подобного. Или продолжить то, что было между нами. Возможно...

- Приезжала к Мартину. – Она подставила лицо солнцу, запрокинула голову, наслаждаясь долгожданным теплом. – Этот засранец решил, что может диктовать мне свои условия.

- Не сомневаюсь, что ты разъяснила ему, что к чему, – усмехнулся я.

- Разъяснила, – отозвалась Каролина.

Негромкий шум моря переплетался с криками чаек. Разговаривать мне не хотелось, и, несмотря на то, что присутствие Каролины не мешало, я предпочел бы не чувствовать ее рядом или хотя бы не чувствовать ее запах – дорогие нотки цветов и жизненного опыта.

- Ты-то что тут делаешь, Руслан? – нарушила она тишину через пару минут.

- Да так... – Заметив появившуюся на горизонте точку, я вгляделся в нее. Слишком далеко, чтобы различить очертания. Но и ни к чему – скорее всего, очередной везущий вино и заморские фрукты корабль, с прибытием которого порт привычно оживится.

- Твоя девочка в порядке? – это Каролина сказала уже по-другому. Тихо, спокойно, посмотрев на меня. Именно так, как спросил бы кто-то, кому не все равно.

От других женщин ее отличало многое – и в том числе умение отодвинуть личное. Та самая жизненная мудрость, уловить которую можно было даже в запахе.

- В порядке. – Я убрал ладонь с камня. Сжал в кулаке ключ от «Хаммера». – Извини, Каролина, мне нужно ехать.

– Езжай, раз нужно.

Она оперлась на ограду локтями и опять подставила лицо солнцу. Точка на горизонте была все такой же далекой, едва различимой, и Каролина смотрела на нее без интереса.

– Рус, – позвала, когда я пошел к машине. – Не беспокойся ни о чем. Я сама решу дела с погрузками и проверю людей, о которых мы говорили. Встретимся и обсудим все, когда сможешь.

– Встретимся и обсудим все, как договаривались, – отрезал я.

– Хорошо, – кивнула она после секундной паузы. – И все же, Руслан... Я понимаю, что меня это не касается, но... Послушай меня как женщину. Дела делами, но сейчас тебе стоило бы позаботиться о Еве.

– Позабочусь, – пообещал я. Полупрозрачное облако прикрыло солнце, отбросив слабую, мгновенно растаявшую тень. – Не беспокойся об этом. Тем более, как ты правильно сказала, это тебя не касается.

– Поставить в гараж? – Ко мне подошел один из следящих за территорией сотрудников охраны.

– Не нужно. – Я захлопнул дверку. – Моя жена в доме?

Получив утвердительный ответ, я поднялся по ступенькам на крыльцо. Вышедшая навстречу экономка спросила, приготовить ли мне кофе. Кофе...

В последние дни его было слишком много, и это вошло в привычку – горький, с нотками имбиря, корицы и гвоздики.

– Руслан Каримович, – замешкалась экономка, веснушчатая девица, достаточно хорошенькая, чтобы не вызывать раздражения, и при этом не бросающаяся в глаза. – Может быть, лучше сделать чай?

Уже шагавший по холлу к лестнице, я остановился и обернулся на нее. Притом, что присутствие ее в доме казалось почти незаметным, взгляд был... Чем-то отдаленно он напомнил мне взгляд Евы в первые дни или даже часы после нашей встречи. Это заставило меня присмотреться к девице внимательнее.

– Я могу приготовить чай с теми же пряностями. – Она не оробела. – Или хотя бы не такой крепкий кофе... Вы же наверняка и сами понимаете, что можете загнать свое сердце.

Ничего не сказав, я молча подошел к ней. Не спеша. Какая, черт возьми, ирония! Блеклую экономку беспокоит мое сердце.

Остановившись возле нее, взял за подбородок и посмотрел в глаза.

– Нельзя загнать то, чего уже давно нет, – выговорил тихо. Провел по коже большим пальцем. – Приготовь крепкий кофе с имбирем, гвоздикой и лимоном. Хороший крепкий кофе, как ты умеешь. Не забывай – ты здесь для того, чтобы выполнять свою работу, и не более.

Резко отпустив ее, я пошел вверх. Не знаю, что раздражало сильнее – то, что за последние полчаса мне дважды пытались дать ненужные советы, или собственное бессилие. Слишком часто оно напоминало о себе с момента, как убудок Виконт уложил моих людей и взял то, к чему я не позволял ему прикасаться.

– Рус... – Стоило мне войти в спальню, Ева, до этого перебирающаяся что-то в шкафу, обернулась. Требовательное мяуканье у ног сменилось прикосновением.

Подняв голову, Жора мяукнула снова и боднула меня, требуя внимания, сильнее потерлась о штаны.

– Где ты был? – Звереныш посмотрела на меня с беспокойством. Рукава свободной легкой туники скрывали ее руки до самых запястий, но ссадина на

губе была хорошо видна. Напоминание... Еще одно проклятое напоминание.

– Хотел освободить вечер, чтобы провести его с тобой. – Меня опять выкручивало. Нервы превратились в натянутые жгуты, нутро выворачивало.

– Я думала, ты меня сам заберешь... – Вздох выдал ее. Девчонка. Какая же она еще девчонка!

Подойдя, она дотронулась до моего живота. Прикосновение заставило напрячься. Я перехватил ее руку, не давая времени ни себе, ни ей.

– У меня не получилось. – Сжал кисть и выпустил. – Зато теперь у нас есть время, чтобы побыть вдвоем. Возьми свои любимые вещи. То платье... Черное, в котором ты была, когда превратила гостиную в сплошной подсвечник. И заколку. Она идет тебе.

– Зачем? – Ладонь Евы на миг зависла в воздухе.

– Мы едем... – уголок моих губ дернулся, – в путешествие. И... – Я почувствовал, как Жора опять боднула меня. – Попроси у экономки переноску для нее, – указал на хвостатую. – Она едет с нами.

Глава 8

Ева

– Я думала, мы возьмем автодом, – полувопросительно проговорила я, когда Руслан, уложив мои вещи, открыл дверку и бросил на заднее сиденье переноску для Жордонеллы.

Сказать по правде, ехать куда-либо мне не очень-то и хотелось. Сейчас этой странной спонтанности я бы предпочла несколько дней спокойствия, однако возражать против поездки не стала. По явному напряжению Руслана и его

особенной немногословности было ясно, что проблемы так и не решились. Еще в больнице я несколько раз аккуратно попыталась расспросить его, что и как, но отвечал он неохотно, да и толку от его ответов не было никакого.

- Где кошка? - Оставив дверку открытой, Руслан осмотрелся.

Внедорожник стоял перед домом, на расстоянии нескольких метров от крыльца. Я могла поклясться, что Жордонелла еще минуту назад сидела на нижней ступеньке, сейчас же ее там не было. Она постоянно крутилась рядом с Русланом, а тут...

- Я же сказал тебе, чтобы ты взяла ее, - в голосе его зазвучало раздражение. Он опять осмотрелся и громко позвал трехцветку.

Обычно, стоило ему сделать это, она оказывалась возле его ног едва ли не в ту же секунду, сейчас же даже не появилась.

- Чертова тварь, - процедил Рус едва слышно и обошел «Хаммер», но, судя по всему, Жордонеллы не было и там.

Молча я наблюдала за ним, еще раз убеждаясь в том, что в Грате снова что-то происходит. Давно я не слышала, чтобы он говорил о трехцветке с подобным раздражением. Возможно, следовало потребовать объяснений, настоять, но память о вечере возле театра была еще слишком свежа.

- Думаю, она не пришла в восторг от этой штуки. - Я махнула на переноску и прохладно осведомилась: - Зачем это вообще? Она и так за тобой по пятам ходит, как привязанная.

- Лишним не будет, - только и ответил Руслан.

Боковым зрением я заметила движение неподалеку и, приглядевшись, увидела сидящую под кустом шиповника кошку. Укрывшись в тени, она наблюдала за нами, как мне показалось, с настороженным видом.

- Жордонелла, - позвала я, сделав к ней пару шагов.

Кошка насторожилась еще больше.

– Жора, – раздался позади резкий голос Руса. – Иди сюда! Жора, – уже немного мягче.

Поколебавшись, она все-таки выбралась из кустов. Прошла чуть больше половины пути и остановилась, подергивая кончиком хвоста. Как будто сомневалась в том, что нужно делать то, что она делает. Это странное, непонятное поведение вызвало во мне тревогу.

Руслан терял терпение. Было впечатление, что он готов схватить Жордонеллу за шкуру и просто зашвырнуть в машину.

– Ты ее пугаешь, – заметила я. – Руслан, что случилось? Это путешествие... Это ведь не просто путешествие?

Я смотрела на него, ожидая ответа, и знала, что не дождусь. Трехцветка наконец подошла. Стоило ей сделать это, Руслан действительно схватил ее – резко, достаточно грубо – и, наградив несколькими нелестными словами, отправил на заднее сиденье. Захлопнул дверку и, открыв передо мной переднюю, помог усесться. Посмотрев в зеркало, я увидела забившуюся в угол трехцветку. Тревога усилилась, но прислушаться к ней я не успела: Рус уселся за руль. Я всмотрелась в его лицо. Мрачный, за эти дни он как будто осунулся. Венка на виске была хорошо заметна, и я дотянулась до нее, прикоснулась кончиками пальцев.

– Ева. – Он достаточно крепко перехватил мое запястье. Посмотрел в глаза. – Не нужно.

– Почему? – спросила я тихо, не отводя взгляда. – У тебя проблемы? Скажи, Руслан.

Пальцы его сомкнулись еще крепче. Ненадолго, на мгновение, и моя рука опять оказалась свободной. Больше коснуться его я не пыталась. Прерывисто выдохнула, когда он дотронулся до костяшек на моей кисти. Прикосновение показалось мне обезличенным настолько, что стало холодно, хотя солнце светило так ярко, что смотреть на него было почти невозможно.

– Эти дни были трудными, – произнес он и завел двигатель.

Я думала, что больше ничего не услышу, уже отвернулась к окну, но прежде, чем машина тронулась с места, Руслан все-таки позвал меня. Мне пришлось сделать глубокий вдох, напомнить себе, до чего довели меня мои собственные желания. Спасенные с корабля девушки (их оказалось пятьдесят три), убитые люди Руса и главная потеря... Главная, невосполнимая для меня и для него. В открытую он не говорил этого. Наверное, лучше бы было, если б он пережил нашу потерю легко. И в то же время я надеялась, что ему не все равно, что внутри него болит так же, как и во мне самой, несмотря на то, что оба мы толком не успели даже осознать, что нас трое.

– Я не буду лезть в твои дела, – пообещала я прежде, чем он успел что-то сказать. – Просто, Руслан... Не держи меня в неведении. Ты же знаешь, что этим делаешь только хуже.

– Не буду, – посмотрев на меня долгим взглядом, все-таки сказал он.

– Тогда что сейчас происходит? Ты мне что-то хотел сейчас сказать? Рус...

– Мы едем в путешествие. – Он опять взял мою руку. Уже не так крепко. Взял и тут же выпустил. – Автодом нам не потребуется.

Я приоткрыла рот. Сама не знала, что хочу сказать или спросить. Черты его лица смягчились, но взгляд оставался жестким. Он так и смотрел до тех пор, пока не сказанные мной слова не превратились в усталый выдох. Я высвободила руку и машинально коснулась своего лица. Тело все еще ныло, хотя порой мне казалось, что та ночь на корабле – обугленный обрывок какого-то кошмара, дурного сна.

– Отдохни, пока мы едем, – трогая «Хаммер» с места, посоветовал Рус.

Гравий дорожки зашелестел под колесами. Сердце неожиданно сжалось, словно перестало биться, дыхание перехватило, а к глазам резко подступили непонятно откуда взявшиеся слезы. Как будто я опять что-то теряла.

– Ты в порядке? – спросил Руслан, притормозив возле раздвигающихся перед нами ворот.

– Да. – Ответ получился глухим, надломленным. Я кашлянула, кое-как собралась и повторила, хотя лучше не стало: – Да, в порядке. Просто... – И вздохнула.

– Отдохни, – сказал он снова.

Я думала, Руслан коснется меня, но он этого не сделал.

Внедорожник выехал за ворота, горло сдавило сильнее, и я в непонятном порыве обернулась на тонущий в глубине территории дом. Руки были холодными, в голове что-то сжалось, как и в груди. Сидящая сзади трехцветка неожиданно громко мяукнула. Как-то отчаянно, как будто звала кого-то. Посмотрев на нее, я увидела, как она, встав на задние лапы, опирается на дверку машины передними и смотрит на удаляющийся особняк. И снова это полное безнадежности «мяу»...

Что задремала, я поняла, только когда машина качнулась. Поморщилась. Спать не стоило: голова стала тяжелой, ребра, до этого только слегка ноющие, разболелись всерьез.

– Сколько времени? – сдавленно шепнула я глухим со сна голосом. Кашлянула.

Горло все еще болело, временами трудно было даже глотать. Достав из бардачка бутылку с водой, я сделала несколько глотков. Взгляд упал на дисплей часов, находящихся на приборной панели.

– Господи, я так долго спала... Почему ты не разбудил меня?

– Зачем? – только и спросил Руслан.

Было еще светло. Летние сумерки даже не начали сгущаться. Пока меня не сморило, с Русом мы обмолвились всего несколькими словами. За окном мелькал пригород Грата, коттеджные поселки чередовались с низкими деревенскими домиками – где-то еще крепкими, а где-то заброшенными, заросшими и никому не нужными, а между нами ничего не менялось. Неловкость, сродни

отчужденности. Прекрасно понимая, что, несмотря на сказанное в больнице, Русзол на меня, я не лезла к нему. И вот опять домики... Прошло больше трех часов, а чувство такое, как будто мы все там же, как будто это все те же домики, как будто я совсем не закрывала глаза...

– Есть какие-нибудь новости... – Я потихоньку кашлянула в кулак. Снова поморщилась и продолжила, повернувшись к нему: – Новости о Дамире?

Я спрашивала о нем врача в больнице. Он не сказал мне ничего нового, и это, в сущности, было хорошей новостью. Но по ночам мне снился пробивающийся сквозь темноту луч, и тут же картинка сменялась другими: тихая аллея парка, ладонь, безжизненно лежащая у мыска моей туфли. Тошнота подкатывала вместе со слезами, ощущение правильности и безысходности случившегося было ужасным. Одни жизни в обмен на другие. Жизни верных людей Руслана на жизни девочек, уже потерявших всякую надежду.

– Пришел в себя, – не отводя взгляда от дороги, проговорил Руслан.

На мгновение меня как будто сковало. Невидимая липкая рука, сжимающая сердце, разжалась, и с первым ударом по телу прокатился озноб. Поправив ремень безопасности так, чтобы он не давил на синяки, я облизала губы и сделала еще глоток воды.

– Когда мы вернемся, – в эти дни сиплые нотки из голоса почти не исчезали, – я схожу к нему. Хочу попросить прощения и... – Я замолчала, зная, что он и так понял меня.

– Посмотрим, – снова односложный ответ.

Я рассматривала Руслана, желая расцарапать стену, которой он отгородился от меня. Коснулась кольца на пальце, покрутила и сжала руку в кулак. Понимала: муж знает, что я смотрю на него.

Притихшая на заднем сиденье кошка поджала под себя лапы, накуксилась, свесила голову. Всегда любившая пристроиться рядом с Русом, она, похоже, так и провела сзади все время, пока я спала.

- Посмотрим?

- Посмотрим.

Я набрала в легкие побольше воздуха. Напомнила себе о том, что это Руслан. Невыносимый, порой непонятный мне Руслан. Мужчина, которого я пыталась забыть и забыть которого так и не смогла. Мужчина, уже дважды спасший меня от участи, даже представить которую страшно. Не знаю, сколько он приложил сил для того, чтобы вытащить меня с корабля. Но он сделал это и, как бы ни злился сейчас... Эмоции не имеют значения.

- Хорошо, посмотрим, - согласилась я, уняв начавший просыпаться гнев.

Вдруг показалось, что место, где мы едем, мне знакомо. Вгляделась в дорогу.

- Руслан. Где мы? Я прекрасно понимаю, что ты...

- Ты ничего не понимаешь, - оборвал он меня с резкостью, которой я не ожидала.

Не знаю, чем это было: раздражением, злостью, вспышкой? Скорее всего, нет. Рус бросил на меня быстрый, похожий на блеск темного лезвия взгляд. Вена на его виске стала заметнее.

- Что ты понимаешь, Звереныш? - Жесткая, наполненная яростью усмешка. - Что ты, черт возьми, можешь понимать?!

Меня бросило в жар и сразу - в холод. Его тьма, давно уже ставшая частью меня самой, завибрировала в крови, усиливая тревогу, натягивая нервы. Мне стало нехорошо. Физически, до тошноты, и я потянулась к дверке, чтобы опустить стекло. В этот момент сбоку от нас промелькнуло дерево. Разбитое ударом молнии, оно стояло в отдалении от других. Я помнила его... Только тогда оно было целым, еще не превратившимся в чернеющий безжизненный остров. И ленту реки за ним я тоже помнила. И несколько камней, причудливо лежащих неподалеку от обочины.

- Ты не сделаешь этого, - голос прозвучал совсем надтреснуто. - Руслан...

Я снова выглянула в окно. Несколько месяцев назад мы были здесь... были с сестрой.

Взяли свежий хлеб, овощи, чай и... Тогда была осень. Поздняя теплая осень, пропитанная запахами листвы и земли. Все было мне незнакомо, все было ново...

- Ты не сделаешь этого! - повторила громче, отчетливо понимая по отразившейся во всем облике Руса мрачной решимости, что сделает. - Руслан! - Я схватилась за его локоть. - Ты не посмеешь! Ты...

- Ты едешь домой, малышка Маугли. Хватит.

Еще один взгляд в окно и тут же на него. Дернула за руку, замотала головой.

- Останови машину! - зашипела, уже не контролируя гнев, намертво перемешавшийся с безумным страхом. - Руслан! Ты слышишь, что я тебе говорю! Останови машину!

Он не хотел слышать. Вместо того чтобы сбросить скорость, вжал педаль сильнее. Зелень за окном слилась в сплошную полосу, с заднего сиденья раздалось мяуканье.

Я чувствовала, как бьется сердце и вместе с этим оно как будто не билось. Кровь застыла. Поворот, дорожный знак... Мы проскочили ведущую вбок дорогу. Что делать, я не понимала. Рус превратился в камень. Нет, в сталь. Я разжала пальцы, отдернула руку, снова замотала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kovalevskaya_alisa/37398-ty-prednaznachena-mne

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)